

Тарихи
Дербендъ - Наме.

Дербенд-Наме

«Эпоха»

2007

Дербенд-Наме / «Эпоха», 2007

[<p id=" __GoBack">](#)«Дербенд-наме» – один из самых распространенных, самых сложных, самых востребованных литературных памятников. Известно около 40 списков хроники на персидском, турецком, арабском языках, на многих языках народов Дагестана. Вместе с тем этот исторический труд недостаточно исследован, требует серьезного внимания историков, филологов, востоковедов, текстологов, фольклористов. Интересна как специалистам, так и широкому кругу читателей.

, 2007

© Эпоха, 2007

Содержание

«Дербенд-наме» – памятник дагестанской историографии	6
Предисловие	11
Тарихи. «Дербенд-наме»	17
Глава I	17
Глава II. Поход в Дагестан арабов под начальством Ибрагима, Салмана и Рабиятул-Бахли. Предание о смерти Салмана.	27
Глава III. Экспедиция в Дербенд войск Валида, сына Абдул-Малика	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Дербенд-Наме

© Издательский дом «Эпоха», 2007

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

«Дербенд-наме» – памятник дагестанской историографии

Дагестанская историческая хроника «Дербенд-наме» – один из самых распространенных, самых сложных, самых востребованных литературных памятников. Исследователи располагают около 40 списков хроники на персидском, турецком, арабском языках, на многих языках народов Дагестана, сочинение переведено на многие европейские языки. Вместе с тем этот исторический труд недостаточно исследован, требует серьезного внимания историков, филологов, востоковедов, текстологов, фольклористов.

Открытие памятника. Первые исследования. В 1722 году при походе Петра I на западный берег Каспийского моря («Персидский поход») в Дербенте наиб города Имам-Кули вручил российскому императору в дар вместе с ключами города рукопись местного исторического сочинения, ставшего впоследствии известным под названием «Дербенд-наме». Так началось знакомство с одной из самых ранних дагестанских хроник.

Впервые о «Дербенд-наме» стало известно в научном мире Европы 280 лет тому назад, в 1726 году, когда академик Байер в своем «De muro Caucaseo» («Кавказская стена») писал: «Когда мусульмане под командованием Герейхана овладели городами Дербенд и Эндери, Мухаммад Аваби Акраси получил приказ рассмотреть арабские и персидские источники и составить на турецком языке сочинение по древностям Дагестана». Здесь речь идет о событиях конца XVI в., а Мухаммад Аваби – это один из представителей мусульманской ученой элиты в Дагестане.

В 1814 г. перевод «Дербенд-наме» был издан на немецком языке академиком Юлием Клапротом, а в 1819-на французском – на базе Петербургской рукописи. Первоисточник установил точное имя автора (или, скорее всего, составителя) хроники, это не Мухаммад Аваби Акраси, а Мухаммад Аваби Акташи, житель города Эндирей, что на реке Акташ.

Однако настоящим событием в истории российского востоковедения и в судьбе дагестанской хроники был выход в свет фундаментальной монографии М. А. Казембека (1802–1870), профессора Санкт-Петербургского университета, – это было наиболее полное издание (текст на азербайджанском языке арабской графикой, перевод на английский язык, снабженный обширными и ценными текстовыми и историческими комментариями). Книга была издана в 1851 году в Санкт-Петербурге¹.

М. А. Казембек свое детство и юношеские годы провел в Дербенте, и во «Введении» к изданию текста он вспоминает о том живом интересе, который вызывал «Дербенд-наме» у местных жителей: «Когда я был мальчиком лет четырнадцати – это я хорошо помню – публичное чтение „Дербенднаме“ с объяснениями и примечаниями занимало в течение нескольких дней внимание узкого кружка любознательных и полугцивилизованных юношей Дербента, которые к их чести проводили утомительные часы своих зимних вечеров в общей компании, забавляясь чтением древних рукописей, популярных историй, преданий и вымыслов относительно древностей Азии, подвигов героев и деяний прославленных приключений».

С издания Казембека начинается история изучения памятника, ему принадлежит первое источниковедческое описание рукописи, постановка вопроса о ее датировке, о причинах многих версий «Дербенд-наме», о многочисленных ошибках, вполне возможных при частых переписках хроники.

После монографии Казембека «Дербенд-наме» долгое время не привлекало внимание исследователей. Примерно через 50 лет, в 1898 г. в Тифлисе вышел перевод одного из ранее

¹ Derbend Nameh / Translated from a select turkish version and published... by Mirza A. Kazem-Beg. – SPb., 1851.

неизвестных списков сочинения на «турецком» (точнее, азербайджанском) языке на русский язык. Это был первый перевод на русский язык, причем выполнялся он под наблюдением не специалиста-востоковеда, а военного человека, знаменитого героя взятия Мерва, генерал-лейтенанта Максуда Алиханова-Аварского, уроженца древней столицы Аварии – Хунзаха.

Однако над редакцией «Дербенд-наме» работал человек с огромным литературным талантом, исследовательским даром, автор историко-этнографических очерков «В горах Дагестана», подробного и увлекательного описания Хивинского похода, ряда других книг и военных очерков. Введение в научный оборот полного тюркского текста «Дербенд-наме» с большим числом приложений и исторических комментариев было фактически продолжением исследовательского интереса Алиханова-Аварского к истории и культуре дагестанских народов. Следующий русский перевод арабского списка был осуществлен в 1980 г. (М.-С. Саидов, А. Р. Шихсаидов), а тюркского списка в 1992 и 1993 гг. (Г. М.-Р. Оразаев), т. е. издание Алиханова-Аварского в течение около 95 лет оставалось единственным полным русским переводом тюркского текста.

Объектом внимания Алиханова-Аварского стал ряд важных вопросов текстологии и структуры сочинения – речь идет о содержании «Дербенд-наме», различных его списках, авторе и датировке памятника, о вопросах исторической географии, топонимической номенклатуры. Алиханов-Аварский провел огромную подготовительную работу прежде чем определить свое отношение к этому сложному и интересному памятнику письменной культуры. Он внимательно ознакомился с работами предшествующих исследователей. Конечно, самые ценные сведения он почерпнул из фундаментального академического издания Мирза А. Казембека, удостоенного престижнейшей в то время Демидовской премии; через сочинения Казембека он познакомился также с работами Байера и Клапрота, академика Б. А. Дорна. Все эти работы, посвященные «Дербенд-наме», и основные положения, высказанные учеными, учтены Алихановым при переводе и комментировании нового списка на турецком языке, обнаруженного им. Список этот оказался довольно полным, охватывающим политические события в Дагестане на протяжении шести веков – V–X вв., характеризующих место региона в политической, военной истории Арабского халифата в бурный период арабо-сасанидского, затем арабо-хазарского противостояния. Было выдвинуто несколько важных аспектов, ориентированных на дальнейшее изучение памятника.

Общая оценка «Дербенд-наме». Оно хорошо вписывается, по мнению Алиханова-Аварского, в общий ряд мусульманских сочинений, не усвоивших «приемов строгого исторического метода: исследования событий, проверки фактов, указания источников и критического к ним отношения», им не чужды некоторые преувеличения, пристрастие и даже вымыслы. Тем не менее, эта компиляция представляет собой краткий свод главнейших арабских и персидских известий, «касающихся таких существенных исторической науки вопросов» как строительство Дербентского оборонительного комплекса, хазаро-иранское противостояние, арабские завоевания и распространение ислама на Восточном Кавказе.

Язык сочинения. В научном мире России считалось, что «Дербенд-наме» сохранился в рукописях «только на языках джагатайском, азербейджанском и персидском». Алиханов добавляет, что за последнее время обнаружилось существование рукописи на арабском языке.

Концепция происхождения «Дербенд-наме». Вопрос об авторстве. Атрибуция памятника и определение его происхождения – один из главных вопросов источниковедения и текстологии. Многие списки «Дербенд-наме» не имеют ни даты, ни указания на авторство.

Алиханов-Аварский опирается в этом вопросе на авторитетное мнение академика Байера и академика Ю. Клапрота. Байер считал, как было указано выше, что Мухаммад Аваби Акраси получил указание составить трактат, используя дошедшие до этого времени арабские и персидские источники. Другой ученый, академик Ю. Клапрот писал через сто с лишним лет по этому же поводу, что Мухаммад Аваби Акташи должен был «сделать на чистом тюркском

языке извлечения из лучших источников арабских и персидских, трактующих о минувших судьбах Дагестана».

О датировке памятника. Что касается времени составления «Дербенд-наме», то Алиханов-Аварский вполне поддерживает мнение Казембека, писавшего, что речь идет о конце XVI в. и что крымский хан, о котором идет речь, – это Кази Гирей (Гази Гирей), брат крымского хана, пребывавший в Дагестане в 1578–1583 гг. Алиханов-Аварский не останавливается на этом. Он обратился к местным хроникам и истории кварталов и тухумов Эндирея, зафиксированным в работе Н. Семенова «Туземцы Северо-Восточного Кавказа», написанной в 1895 г. Жители одного из кварталов селения назывались борахан-аульцами, считавшимися выходцами из Крыма. Это навело на мысль о составлении хроники на одном из тюркских языков («джагатайском наречии тюркского языка»), с которого, судя по сообщению одного из информаторов Казембека, был сделан в конце XVIII в. Алияром перевод на персидский язык, а последний был переведен на азербейджанский.

Алиханов-Аварский внимательно изучил все эти мнения, а также многочисленные сообщения местных алимов о наличии арабского варианта, послужившего будто бы основой для перевода Алияра на персидский. Весь этот сложный клубок языковых проблем дал основание Максуду Алиханову утверждать, что «вопрос о первоначальном языке „Дербенд-наме“ остался, таким образом, нерешенным».

Новый список «Дербенд-наме», изданный под редакцией Алиханова-Аварского. Максуду Алиханову принадлежит заслуга подготовки, редактирования и издания одного из полных списков «Дербенд-наме». Речь идет о рукописи, которая «оказалась в Закатальском округе, у Халил-Бека Илисуйского, вместе с превосходным экземпляром Азербейджанской ее версии».

Как указывает Алиханов, перевод был осуществлен Велибековым, бывшим преподавателем учительской семинарии в Гори. В 1897 г. Алиханов-Аварский познакомился с переводом, осуществленным им «с одного Азербейджанского манускрипта, весьма близкого к версии Казембека».

Далее Алиханов-Аварский сообщает, что «пришлось выпустить уже обработанные две первые главы „Дербенд-наме“ по версии Казембека и заменить их более подробным рассказом по рукописи Илисуйского, который был переведен при любезном содействии почтенного Абдул-Кадыра-Эфенди, мусульманского законоучителя Горийской семинарии». Связано это было, со слов Алиханова, с тем, что текст Казембека имел неточности, особенно по части географической номенклатуры. В этой связи кажутся необоснованными претензии к «так называемым ориенталистам-европейцам», которые также имели дело с дефектными экземплярами рукописи.

В настоящее время известно более 40 списков дагестанской исторической хроники «Дербенд-наме» на многих языках. Сложность текста, противоречивость сведений, явные ошибки в написании отдельных имен и названий городов и отдельных местностей, объективные и субъективные ошибки переписчиков, нередко неточные объяснения и перевод текста – все это значительно усложняет работу над «Дербенд-наме», являющейся вместе с тем памятником местной дагестанской историографии, составленной в конце XVI – начале XVII вв. на базе разрозненных известий, сохранившихся в основном в виде частных отдельных рассказов и хроник X–XI вв. или как сообщений представителей арабской исторической и географической литературы IX–X вв.

Исследования и открытия XX в. XX век принес новые кардинальные открытия и успехи в интерпретации «Дербенд-наме», в выявлении и изучении новых списков знаменитой исторической хроники. В 1926 г. вышла обстоятельная, основанная на многочисленных источниках статья академика В. В. Бартольда. К вопросу о происхождении «Дербенд-наме»². Вопреки

² Бартольд В. В. К вопросу о происхождении «Дербенд-наме» // Бартольд В. В. Сочинения. – М., 1973. Т. VIII.

высказываниям Байера, Клапрота, Алиханова-Аварского, В. В. Бартольд внес существенные дополнения в вопрос о происхождении хроники. По его мнению, книга была составлена «не для завоевателя Гирей-хана... в котором видели хана Крымского, а для местного хана Чабанбека, сына шамхала, потомка умершего Гирей-хана, также принадлежавшего к числу дагестанских правителей». Выдающийся востоковед считал также, что сочинение Мухаммада Аваби Акташи было сокращенным турецким переводом с другого «Дербенд-наме», написанного по-персидски, и что текстологически позднейшей датой (*Terminus ante quem*) составления этой истории можно считать 1099 / 1687-88 г. – дату рукописи тогдашней Государственной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

Все это подводит В. В. Бартольда к важному выводу: составление «Дербенд-наме» было официальным поручением одного из дагестанских правителей. Это обстоятельство наложило, как нам представляется, отпечаток на структуру и идейную направленность сочинения, оно стало носителем государственной идеи, официозом в полном смысле слова. Хроника (свод различных исторических текстов), составленная в конце XVI или в первой половине XVII в., была основана на более ранних источниках, в основном на хрониках или записях IX–XI вв. Первоначальный тюркский перевод породил большое число «дочерних» текстов, в том числе на арабском и персидском языках. Затем книга была переведена на языки народов Дагестана (аварский, кумыкский, лакский, даргинский), но это произошло в XIX в. (или, возможно, отчасти во второй половине XVIII в.) – литературная реплика широко представленной в то время идее сильной государственной структуры.

В 1948 г. М.-С. Саидов написал статью о «Дербенд-наме» с привлечением большого числа арабских списков. Во второй половине XX в. появился ряд обстоятельных переводов хроники (перевод арабского текста с учетом нескольких десятков списков; перевод тюркоязычного текста Румянцевского музея)³. Опубликованы списки «Дербенд-наме» на лакском (Г. Б. Муркелинский, И. Х. Абдуллаев), даргинском (А. И. Исаев), кумыкском (Г. М.-Р. Оразев).

Источники «Дербенд-наме». Специальное изучение основной тематики персидских, тюркских, арабских списков показало, что в первой своей части, в своих основных сюжетах «Дербенд-наме» ближе всего к тексту ал-Куфи (X в.) и зависимого от него Балами (X в.), ряда других арабских историков IX–X вв. (ал-Балазури, ал-Якуби, ат-Табари и др.) Однако это далеко не пересказ событий, нашедших свою фиксацию в арабской исторической литературе. Составитель хроники искусно использовал этот материал, соединив его со сведениями местных хроник или их отрывков, исторических преданий. Материал, относящийся к более позднему времени, опирался, как нам представляется, почти полностью на местные исторические традиции, выписки из различных исторических записей, фиксировавших памятные записи.

Структура «Дербенд-наме». Жанровая характеристика. Изучение списков хроники позволяет говорить о тематическом единстве тех списков, которые излагают события в пределах Сасанидской (до серед. VII в.) и Омейядской эпох (662–750 гг.), т. е. от V до середины VIII в., до начала династии Аббасидов (750 г.). В основном, это – военно-административная, строительная деятельность сасанидских и омейядских правителей в Дербенте, их взаимоотношения с местными феодальными правителями. В основном это относится к арабским текстам. Что касается текстов турецких (тюркских), то они посвящены, в основном, эпохе Аббасидов (с 750 г.), доведя рассказ до X в., а в Румянцевском списке – до 1064 г. Мы имеем, таким образом, дело с двумя редакциями известного дагестанского исторического сочинения.

³ Саидов М.-С. Дербенд-наме // Труды второй научной сессии Дагестанской базы АН СССР. – Махачкала, 1949; Саидов М.-С., Шихсаидов А. Р. Дербенд-наме (к вопросу об изучении) // Восточные источники по истории Дагестана. – Махачкала, 1980; Мухаммад Аваби Акташи. Дербенд-наме / пер. с тюркского и арабского Г. М.-Р. Оразева, А. Р. Шихсаидова. – Махачкала, 1992; Г. М.-Р. Оразев Дербенд-наме. (Румянцевский список) // Дагестанские исторические сочинения. – М., 1993.

Структурно сочинение состоит из трех частей: первая – Сасанидские претензии и строительная деятельность в Дагестане; вторая – описание арабских завоеваний и исламизационного процесса в духе широко распространенного в арабской литературе жанра «завоеваний». В этих двух разделах нет особых перерывов в хронологии. Третья же часть повествования – о наиболее важных событиях уже мирного времени, в основном – о деятельности по благоустройству города. Эта часть еще связана с жанром «завоеваний» («магази» и «футух ал-булдан»), но в основном она вошла в русло другого, также широко распространенного в арабско-мусульманском мире жанра «достоинств» («фадаил»). В одном сборном тексте были объединены образцы нескольких популярных жанров.

Ниже дается перевод, предложенный Алихановым-Аварским. К сожалению, тюркский текст «Дербенд-наме» не представлен, его судьба вообще неизвестна. Потому не представляется возможным сравнительный анализ социальных терминов, географической номенклатуры, отдельных имен или же событий, установить качество перевода. Мы даем лишь перепечатку «Дербенд-наме» (под редакцией Алиханова-Аварского), давно ставшего библиографической редкостью. Текст издается в полном объеме, без исправлений, уточнений, сокращений или же добавлений. Лишь в самых необходимых случаях даются ссылки на литературу, вышедшую после 1898 г., или же предлагается иная интерпретация (см.: «Комментарии»).

*А. Р. Шихсаидов,
доктор исторических наук,
профессор*

Дозволено цензурою. Тифлис, 2-го мая 1898 года.

Предисловие

Содержание «Дербенд-наме», разные версии этого сочинения, его переводы, автор и время появления «Дербенд-наме» – историческое сочинение, обнимающее политическую жизнь Восточного Кавказа в бурный период ожесточенной борьбы из-за господства в этой стране между персами, хазарами и арабами, начиная с конца V и до начала X века по Р. Х.

Восточные авторы, и мусульманские в том числе, трактующие о прошлом, как и вообще писатели минувших столетий, за редкими исключениями, к сожалению, не усвоили приемов строгого исторического метода: исследования событий, проверки фактов, указания источников и критического к ним отношения. Напротив, им не чужды некоторые преувеличения, пристрастие и даже вымыслы; в них, словом, говорит нередко религия и национальность, к которым принадлежат сами. И автор «Дербенд-наме» не составляет в этом отношении исключения. Но тем не менее, его сочинение является кратким сводом главнейших арабских и персидских известий, касающихся таких существенных для исторической науки вопросов, как построение «Кавказской стены» и циклонических верхов Дербенда, борьба Персии с Хазарией, появление арабов в этих странах и покорение ими западного побережья Каспия, изгнание хазар и водворение ислама в Дагестане и т. д., и сводом тем более ценных, что писатели других наций или вовсе не касаются этой важной эпохи в жизни нашего края, или же черпают свои отрывочные сведения о ней из тех же источников. В этом заключается интерес, представляемый «Дербенд-наме». Сочинение это, или вернее компиляция, произведение вполне *прозаическое* по форме и содержанию, что мы подчеркиваем мимоходом, ввиду непонятого определения А. Н. Грена, который почему-то окрестил его произведением *поэтическим*, не отказывая однако в исторической верности его содержания⁴.

В мусульманском мире «Дербенд-наме» циркулирует только в рукописях и, как утверждал уроженец Дербенда и известный профессор Казем-Бек⁵, только на языках джагатайском, адербейджанском и персидском. Однако в последнее время оказалось, что это же сочинение существует и на арабском языке, да еще в наиболее пространном виде.

В начале XVIII столетия, если еще не ранее, манускрипты «Дербенд-наме» проникли и в Европу, именно – в публичные библиотеки Парижа, Берлина и Петербурга, и из них одновременно были сделаны извлечения ориенталистами Байером, Клапротом и Дорном, на языках латинском, французском и немецком. В целом тюркский текст этого сочинения, параллельно с английским переводом, издан только в Петербурге Казем-Беком в 1851 году.

Автор «Дербенд-наме», время появления этого сочинения и язык, на котором первоначально оно было написано, в точности неизвестны. Для приблизительного же определения этих сторон существуют следующие основания:

Академик Байер в своем трактате о «Кавказской стене» (*De muro Caucaseo*), опубликованном в 1726 году, говорит так о происхождении «Дербенд-наме»:

«Когда мусульмане, под командой Гирей-хана покорили Дербенд и Андери⁶, *Мухаммед-Аваби-Акриси* (из Акраса) получил приказание составить, по источникам арабским и персидским, на языке тюркском, трактат о древностях Дагестана» и т. д.⁷

⁴ См.: Грен А. Н. Краткий очерк истории Кавказского перешейка. С. 13.

⁵ См.: Казем-Бек. Предисловие к английскому переводу «Дербенд-наме». С. VII.

⁶ Андери, Эндери и Эндрей (по-русски Андреево) – аул кумыков на речке Акташ в Хасавюртовском округе. По словам «Дербенд-наме», на его месте лежал основанный в VI столетии по Р. Х. Нуширваном-Справедливым город *Кольбахъ* или *Гюльбагъ* (Цветочный сад), впоследствии крепость хазаров.

⁷ *Commentarii Academiae*. Т. 1. Р. 459.

О том же предмете более пространно, но не менее туманно, трактует и Клапрот, писавший через 103 года после Байера. «В то время, – говорит он, – когда ислаизм распространился в соседстве Дербенда и когда Гирей, хан Крымский, покорил страны между Кумой и морем Каспийским, а также *Эндери*, он приказал одному жителю этого города, по имени *Мухаммед-Аваби Акташи* (из Акташа)⁸, сделать на чистом тюркском языке извлечение из лучших историков арабских и персидских, трактующих о минувших судьбах Дагестана. Неблагоприятные обстоятельства долго препятствовали Мухаммеду пополнить эту работу однако он окончил ее» и т. д.⁹

К сожалению, ни Байер, ни Клапрот не указывают на источник, из которого они почерпнули приведенные сведения. Тем не менее о мистификации в данном случае не может быть, конечно, и речи, и надо полагать, что какое-либо основание было у них, хотя бы в виде предания, сохранившегося где-либо среди мусульманских книжников. Во всяком случае, можно принять за достоверное, что «Дербенд-наме» вышло из-под пера Мухаммеда-Аваби из Акташа или Эндрея, так как это сведение двух названных ориенталистов подтверждается еще из другого источника. Имея в виду, что довольно значительное количество рукописей этого сочинения встречается в самом Дербенде, и полагая, что среди ученых мусульман этого города могли сохраниться сведения о его авторе и времени появления, мы обратились к любезному посредничеству генерала Араблинского, проживающего в Дербенте, с просьбой расспросить их и поделиться с нами их ответом. Муллы Дербента, оказывается, совещались по поводу поставленных им вопросов и ответили, между прочим, что «по их сведениям „Дербенд-наме“ составлено жителем селения Эндрей, Мухаммедом-Аваби, на основании достоверных известий арабских историков».

Дербендские ученые обходят молчанием другой более важный вопрос – о времени появления интересующего нас произведения, – затемненный Клапротом, который относит его *ко времени распространения ислама в соседстве Дербенда*. Дело в том, что, вопреки вышеприведенным словам двух ориенталистов, мы не имеем никакого исторического свидетельства о том, что ханы Крыма когда-либо покоряли Восточный Кавказ с Дербендом и Эндери, и, напротив, знаем достоверно, что ислам проник в Дербенд и в Дагестан в начале VIII столетия, следовательно, за целых семь веков до возникновения в Крыму династии *Гиреев*. Затем, с середины XV и почти до конца XVIII столетия, т. е. в течение без малого трех с половиной веков, в Крыму царствовали 22 Гирея. Спрашивается, кого из них разумеет под «Гиреем, ханом Крыма», которому, – по словам Байера и Клапрота, – ученый мир обязан существованием «Дербенд-наме»?

На этот вопрос, в своем предисловии к английскому переводу «Дербенд-наме», Казем-Бек отвечает историческими справками, из которых следует, что ханы Крыма никогда не вели самостоятельных войн в Дагестане, но однако появлялись в этой стране со вспомогательными своими отрядами, по требованию турецких султанов, во время их войн с Персией. Одно из таких появлений имело место в 1735 году, когда в виде содействия сераскиру, оперировавшему около Эривани, и для возбуждения горцев против Надир-шаха, султан двинул в Дагестан Крымского хана. Но в это время «Дербенд-наме» уже было известно в Европе по трактату Байера о Кавказской стене, опубликованному почти за 10 лет перед тем.

Другое, более раннее появление крымцев в Дагестане, относится к концу XVI века. В это время, именно в 1578 (а по другим сведениям – в следующем) году, вследствие того, что персы нарушили границу Турции, султан Мурад III двинул в Азербейджан, под начальством

⁸ Мухаммед-Аваби является здесь жителем то *Эндери*, то *Акташа*. Но это противоречие только кажущееся: аулы Эндери и Акташ лежат недалеко друг от друга и оба – на реке *Акташ*. Аваби, будучи уроженцем сравнительно маленького Акташа, мог жить, в особенности в качестве ученого муллы, и в Эндери, считавшемся большим городом в старину. Что же касается до *Акриси* Байера, то очевидно, что это не больше как искажение или описка того же *Акташа*, ибо название *Акриси* не встречается нигде на Восточном Кавказе.

⁹ См.: *Nouveaux journal Asiat.* 1829. Т. III. Р. 49.

Мустафа-паши, армию, которая покорила Ширван и приморскую часть Дагестана. В составе этой армии были тогда и «две тысячи храбрых всадников из крымских татар», проводших в Дербенде целую зиму вместе со своим ханом Мухаммед-Гиреем¹⁰. К его-то времени, как полагает Казем-Бек, и является возможным приурочить известие Байера, хотя нужно прибавить только *ко времени*, а не к *личности*. Мухаммед-Гирей, более известный под прозвищем *Семиз* (толстяка) – хана или *Семиз-Гирея*, отличался необычайной тучностью, ленью и вообще характеризуется историками одним из тех людей, которые не могут быть сторонниками книжной премудрости. Это был порочный деспот, подготовивший себе весьма печальный конец, и мысль о том, что он мог поинтересоваться прошлым Дагестана, представляется невероятною...

Другое дело – третий брат этого хана, *Кази-Гирей*. Этот принц, вступивший впоследствии, – через четыре года после злополучной кончины Семиза, – на престол Крыма, сопровождал его в упомянутом походе на Азербейджан и, после возвращения брата на родину в течение почти шести лет оставался еще в Дербенде и Дагестане, в качестве турецкого правителя этих стран. Известный Саид-Риза в своих «Семи планетах» говорит об этом Кази-Гирее, что он был «знаменит» знанием истории, любовью к наукам и ученостью; что он находил удовольствие только в обществе шейхов, улемов и философов, и что, наконец, сам был поэтом, превосходно писал – под псевдонимом *Гази* (воителя за веру) – в стихах и в прозе, на языках турецком и джагатайском, и оставил потомству несколько ценных сочинений.

Такой человек не мог не поинтересоваться учеными Дагестана и историей этой страны, будучи сам ее правителем. Более чем вероятно поэтому, что *Кази-Гирей* – тот Крымский хан, о котором говорит Байер, и что «Дербенд-наме» составлено по его поручению и в годы его пребывания в Дагестане (1578–1583), а следовательно – в конце XVI века.

В пользу основательности такого предположения мы со своей стороны можем указать на еще два обстоятельства, именно на то, что составление исторической компиляции было поручено ученому из Эндери предпочтительно перед другими книжниками Дагестана, и на первоначальный, по мнению Казем-Бека, язык «Дер-бенд-наме».

Дело в том, что население одного из четырех кварталов аула Эндери, называющееся *Борахан-аулъцами*, считается выходцами из Крыма, пришедшими сюда, – как по местному преданию, так и по словам одной ногайской песни¹¹, – под начальством Бора-хана, после поражения крымцев ногайцами Ших-Мамая, что случилось в 1523 году¹². Это водворение крымцев в Эндере произошло всего за 55 лет до похода Семиз-Гирея в Азербейджан; а за это время они не могли утратить свое родное наречие. Кази-Гирею же весьма естественно было желать, чтобы интересовавшая его историческая компиляция была составлена на более понятном для него крымском наречии, что мог выполнить в Дагестане только один из ученых Борахан-аула, каковым, вероятно, и оказался Мухаммед-Аваби. Именно на таком, мало понятном для азербейджанцев, джагатайском наречии тюркского языка, весьма близком к говору крымцев, и было написано первоначально «Дербенд-наме», как это, по словам Казем-Бека, якобы утверждает кубинец Алияр, переводивший его в конце XVIII века на персидский язык «для того, чтобы сделать это сочинение доступным и понятным своим друзьям, ученым Азербейджана», где этот язык, как литературный, господствует и в настоящее время. Затем уже с персидского, как можно думать, сочинение это было переведено на азербейджанский язык, чем и объясняется существование его версии со значительною примесью слов и фраз персидских.

Приведенные доводы относительно первоначального языка «Дербенд-наме» были настолько убедительны, что вопрос этот казался исчерпанным и почти решенным, когда мы получили письмо генерала Араблинского с сообщениями дербендских ученых. Последние, к

¹⁰ Hammer. Hist. de l'Empire Ott. T. VIII. P/ 94-112.

¹¹ Семенов Н. Туземцы сев. – восточ. Кавказа. С. 238.

¹² Энциклопедия края. Т. VII. С. 431.

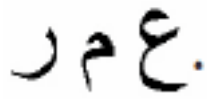
нашему удивлению, категорически заявили, оказывается, что Мухаммед-Аваби составил свое сочинение на *арабском языке* и что именно с этого языка кубинец Алияр переводил его на персидский. Известие это было тем большею для нас неожиданностью, что ранее мы не знали о существовании «Дербенд-наме» на арабском языке, точно так же, как это не было известно ни одному из четырех названных выше ориенталистов. Однако, вскоре после того, нам представился случай убедиться, если не в справедливости голословного заявления дербендских книжников, то, по крайней мере, в существовании «Дербенд-наме» и на арабском языке: такая рукопись оказалась в Закатальском округе, у Халиль-Бека Илисуйского, вместе с превосходным экземпляром азербейджанской ее версии. Проверить дербендское известие, к сожалению, мы не имели возможности, и вопрос о первоначальном языке «Дербенд-наме» остался, таким образом, нерешенным...

Обращаясь затем к предлагаемому переводу «Дербенд-наме» на русский язык, мы должны сказать следующее:

Инициатива этого перевода принадлежит бывшему преподавателю учительской семинарии в Гори, г. Велибекову, который сделал его еще в 1884 году с одного азербейджанского манускрипта, весьма близкого к версии Казем-Бека. Познакомившись с этой работой с год тому назад, мы взяли на себя приготовление ее к печати, с тем чтобы г. Велибеков перевел также семь извлечений из древних арабских, персидских и турецких сочинений, приложенные к изданию Казем-Бека и дополняющие содержание «Дербенд-наме», которое, как мы заметили в начале настоящего предисловия, составляет только краткий свод известий об хазаро-арабском периоде в политической жизни Восточного Кавказа. Этот труд г. Велибеков выполнил при помощи нескольких мусульманских ученых.

Восьмое приложение, – весьма любопытный арабский очерк древней истории Дагестана, о происхождении которого будет говорено на своем месте, – мы взяли целиком из «Сборника сведений о Кавказских горцах» за 1871 год, где оно было напечатано по переводу барона П. К. Услара. Таким образом составилась главный остов книги, которая потребовала затем весьма кропотливой редакционной работы, – сличения с оригиналами, переработки в литературном отношении и снабжения множеством примечаний, которые, в свою очередь, потребовали массу исторических и географических справок.

Главная цель редакционной работы заключалась, конечно, в том, чтобы передать на русском языке «Дербенд-наме» и приложения с возможною точностью. Но с какими трудностями, подчас непреодолимыми, сопряжено достижение подобной цели при переводах с восточных языков, легко поймут люди, сами имевшие дело с манускриптами мусульманского мира, в котором принято арабское письмо. Читатель же, знакомый только с европейскими письменами, должен представить себе трактат о событиях, отдаленных от нас более чем тысячелетием, *написанный без заглавных букв, без знаков препинания, одними только согласными буквами и в одну непрерывную строку с первой и до последней страницы*, и затем предположить еще, что произведение это, не отличающееся вообще ясным и толковым изложением, подверглось в течение веков многочисленным искажениям разных переводчиков, – тогда только он в состоянии будет понять всю трудность правильного чтения и уразумения древних мусульманских авторов, а, следовательно, и перевод их, даже при самом полном знании восточных языков. Арабское письмо, с которым столкнулись и переводчики предлагаемого сочинения, – одно из самых несовершенных, и, по трудности чтения, следует едва ли не за иероглифами. Путем продолжительной практики нужно, чтобы глаз привык к начертанию каждого слова, иначе правильное

чтение немислимо. Возьмем, для примера, хотя бы три буквы: . Поставленные просто рядом в этой азбучной форме, как это принято в письменах европейских, они ничего

не выражают. Если они связаны известным образом, хотя бы так: , то вы читаете, по привычке, – *Омар*; в противном же случае, ничто вам не мешает, подразумевая между приведенными буквами те или иные гласные, читать их *омири* – жизнь, *имара* – дворец, и т. д. на сколько угодно ладов. Таким же образом, одна случайно поставленная или пропущенная точка совершенно изменяет значение слова, превращая, например, *огонь* в *воду* или наоборот.

Огорчение, нередко причиняемое авторам несовершенством арабского письма, видно, между прочим, из того, что творец знаменитого «Дивана», Мухаммед-Багдади, заключая свое сочинение молитвой об ограждении его от ошибок, восклицает: «Да отрубится рука того, чье невнимание или недогадливость ослепит мой глаз или превратит мою радость в горе!»¹³

Необходимость при чтении арабского письма, помимо внимания, еще и этой догадливости, весьма часто ведет, конечно, к ошибкам. Но беда не в этих невольных прегрешениях: она заключается в наивной страсти или в нелепом обыкновении мусульманских «ученых» делать, при переписке в особенности исторических произведений, произвольные в них сокращения, изменения и даже тенденциозные дополнения, не имеющие ничего общего с исторической правдой. Первоначальный вид сочинений постепенно изменяется таким образом, если не до неузнаваемости, то настолько, во всяком случае, что каждая их рукопись является почти отдельной версией. В мусульманском мире поэтому весьма трудно встретить даже две совершенно тождественные рукописи одного и того же произведения, и это в особенности верно относительно «Дербенд-наме». Разница, представляемая его манускриптами, так велика, что, например, первая глава состоит из 6 страниц по версии Казем-Бека, из 8 таких же – по Клапроту и из 13 – по экземпляру Илисуйского. В первой версии говорится коротко, что Кубадшах просил руку дочери Хагана и женился на ней; во второй – что Хаган сам предложил Кубаду свою дочь, а в третьей подробно, сверх того, описывается свадебный поезд этой невесты, пышные ее проводы из хазарской столицы и такая же встреча в Ктезифоне, что весьма важно в бытовом отношении. Не меньшую разницу мы находим в них и в изложении военных действий: вместо короткой фразы одной версии, что «войска сразились и победили», в повествовании другой встречаются характерные боевые приемы, существовавшие у хазар и персов, и т. д. Благодаря таким особенностям, нам пришлось выпустить уже обработанные две первые главы «Дербенд-наме» по версии Казем-Бека и заменить их более подробным рассказом по рукописи Илисуйского, который был переведен при любезном содействии почтенного Абдул-Кадыра-Эфенди, мусульманского законоучителя Горийской семинарии. К этому нас побудило еще и другое обстоятельство: весьма тщательно изданное в Петербурге «Дербенд-наме», над которым Казем-Бек трудился почти 12 лет, представляет, однако массу ошибок, вызывавших целый ряд объяснительных примечаний. Как видно, профессор этот располагал весьма плохим экземпляром «Дербенд-наме», и у него особенно страдает географическая номенклатура Дагестана, которая была еще мало известна в его время. Недалеко ушли в этом отношении и, так называемые, ориенталисты-европейцы, которые, по-видимому, преодолевали все встречаемые ими препятствия чисто по-военному, т. е. идя напролом или перескакивая через них, и благодаря этому, мы, как увидит и читатель, нередко встречаем у них не только действия одного приписанными другому, но даже глаголы и целые фразы превращенными в курьезнейшие имена и названия пунктов. Этим особенно выделяется извлечение Клапрота, которое, во многих случаях, даже невозможно согласовать с соответствующими местами текста «Дербенд-наме», хотя бы по прекрасной версии Илисуйского. Ввиду этого и по примеру Казем-Бека, поместившего французский текст Клапрота параллельно с английским переводом, мы также нашли необходимым дать читателям, для удобства сличения, перевод с французского

¹³ Тут дело в том, что, при совершенно тождественном начертании, одна пропущенная точка превращает слово *g'azъ* – глаз в *k'irъ* – слепой. По той же причине *радость* изменяется в *горе* и т. д.

версии Клапрота, которую поместили в виде приложения. Затем нам остается прибавить в заключение, что предлагаемый русский перевод «Дербенд-наме» был тщательно проверен, между прочим, и по английскому тексту Казем-Бека. Этой работой мы обязаны любезности Н. С. Шлиттер, которой и приносим здесь нашу глубокую признательность, как равно и всем лицам, оказавшим нам свою помощь.

М. Алиханов-Аварский

Апрель, 1898 года.

Тифлис

Тарихи. «Дербенд-наме»

Глава I

(По версии султана Илусуйского. Перевод с азербейджанского)

Во имя Бога милосердного и милостивого.

Хвала Господу миров. Да благословенны будут Мухаммад, глава всех пророков, его потомки и последователи! Затем¹⁴ (См. примечания в конце главы).

Историки и повествователи преданий рассказывают в древних книгах, что в стране Иран был великий государь, по имени *Кубад-шах*¹⁵, под властью которого находились все страны Туркестана и Аджамистана (Иран). *Нуширван*, называемый *Справедливым*¹⁶, был его сыном. В то же время на севере, в Хазарии, царствовал государь, по имени *Хакан-шах*¹⁷, которому подчинялись страны Руссия, Моску, Крым, Казань и все племена Дешти-Кипчака. Его царский трон, украшенный разными драгоценными камнями, находился на берегу реки *Адиль* (Волга) под постоянной охраной 400 тысяч¹⁸ мужей, храбрых, знаменитых и кровожадных.

Между этими двумя властелинами издавна происходили непрерывные столкновения и войны. Чтобы положить им конец, Кубад-шах вознамерился жениться на дочери своего противника и, с этой целью, написал и отправил, с особым посольством, надлежащие письма, которые были доставлены хазарскому царю с подобающими почестями. Узнав содержание писем и выслушав послов, Хакан-шах благосклонно принял предложение, изъявил согласие породниться с бывшим своим противником и изменил прежние к нему отношения на дружественные. Удовлетворенные этим успехом, послы вернулись к своему государю с радостной вестью.

Спустя некоторое время Кубад-шах приготовился к свадебным празднествам и отправил к Хакан-шаху три тысячи людей с подарками, заключавшимися в сотне верблюжьих выюков с серебром, в 50 таких же выюках золота и в 300 выюках с золотой парчой, с шелковыми и другими тканями. Узнав об этом, Хакан выслал навстречу конницу в пять тысяч своих почетных людей, которые торжественно доставили прибывших к своему государю. После этого Хакан-шах заготовил приданое и отправил свою дочь на верблюде, под драгоценным балдахином, с 500 выюками драгоценностей, парчи, шелковых и других материй, с 50 прислужницами и с таким же количеством невольников. Когда, совершая переход за переходом, свадебный поезд

¹⁴ В этих фразах заключается общепринятое вступление всех мусульманских сочинений.

¹⁵ *Кубад* или *Кей-Кобад*, а у арабских писателей *Кобадбен-Фирс* – предполагаемый возобновитель Дербендской стены, царствовавший в Персии с 491 по 531 годы по Р.Х.

¹⁶ *Нуширван-Адиль* (справедливый) – более известный у европейцев под именем царя *Хозроя* и называемый также *Энуширваном*, *Ануширваном* и последователем философии Платона, – был третий сын Кей-Кобада и современником мусульманского пророка Мухаммеда. Благодаря своим качествам, он был возведен на трон помимо старших своих братьев и царствовал с 531 по 579 годы по Р.Х. Ему приписывают, между прочим, избиение в один день ста тысяч последователей известной секты *Мездек*, к которой принадлежал и отец его Кобад. По словам Табари и Мирхонда, настоящее имя этого персидского царя было *Кисри*, а *Ануширван* – титул, означающий «новый царь царей».

¹⁷ *Хакан-шах* значит «царь-патриарх». *Хакан* – персидская, а *Хагкан* – арабская форма древнееврейского названия *Кейген* (Кейген), означавшего *патриарх*, *батюшка*. Моисей назывался у евреев *мелех* (царь), а его брат Арон – *Кейген-гodel* (старший патриарх). Появление титула *Хакан* у тюрков северо-восточной Азии некоторые историки относят к временам глубочайшей древности. *Висделю* же (см. его «Hist. de la Tatarie». С. 37, 133) утверждает, что это последовало в IV веке по Р.Х. и что первый повелитель Монголии, принявший его, как высшую ступень духовной и светской власти и взамен прежнего императорского титула *Чен-ю* или *Шен-юй*, был Турун или Тулун. Весьма часто, как и в данном случае, восточные историки смешивают титул *Хакан* с нарицательными именами хазарских царей.

¹⁸ У Клапрота цифра эта уменьшена до 40 тыс., хотя в азербейджанских манускриптах и в издании Казем-Бека говорится ясно «*дерт-юз-мин*» (400 тыс.), а не «*кырх-мин*» (40 тыс.). У Дорна мы также встречаем 400 тысяч.

этот достиг пределов Кубад-шаха, последний, в свою очередь, выслал навстречу две тысячи конных из числа своих приближенных и почетных людей. Торжественно и с большими почестями дочь Хакан-шаха была доставлена таким образом в столицу *Медаин*¹⁹, и водворена здесь во дворце и в гарем Кубад-шаха. Событие это совершилось к общей радости обеих сторон.

По истечении некоторого времени, Кубад-шах отправил к Хакану новое посольство, доставившее ему письмо такого содержания: «Благодарение Господу миров за установление между нами дружбы и родства, которые поставили нас в отношения отца и сына! Надеюсь, что после этого ничто не вселит между нами недоразумения и вражды. Тем не менее, просьба моя заключается в том, чтобы вы изъявили согласие на постройку крепости на берегу моря, у оконечности стены, возведенной *Искандером-Зулькарнейн*²⁰, которая бы служила пограничным пунктом между нашими государствами, и затем, чтобы подданным моим было предоставлено право беспрепятственного посещения ваших владений, равно как и вашим относительно моих пределов».

Порадованный этим письмом, Хакан ответил так: «О мой сын, Кубад-шах! Согласись, чтобы рядом со стеною Искандера была возведена крепость, которая, будучи заселена вашими людьми и принадлежа вам, служила бы пограничным пунктом между нами и государями Ирана».

С этим письмом послы вернулись к Кубад-шаху, который, будучи обрадован им, приказал визирям собрать всех инженеров и архитекторов. Их оказалось триста. Собрав, сверх того 6 тысяч искусных мастеров и рабочих из своих подданных, он отправил их с 10 тысячами воинов в сторону стены Искандера с приказом возвести там значительный город, а по окончании – донести ему. Рассказывают, что желание возвести город именно в этом пункте зародилось у Кубад-шаха вследствие того, что ему известно было предание, по которому Искандер-Зулькарнейн провел там стену по указанию явившегося к нему Джебраила (архангел Гавриил).

Вельможи, после больших приготовлений, прибыли по указанному месту и, приступив к рытью фундамента, наткнулись на древнюю каменную стену, которая начиналась в Хазарском (Каспийском) море, на расстоянии *мензиля*²¹ от берега, и тянулась затем до нынешних османских (турецких) владений у Черного моря. Стена эта, занесенная песком и мусором, была, по повелению Кубад-шаха, в течение долгого времени, раскопана и исправлена в поврежден-

¹⁹ *Медаин* – арабское название *Ктезифона*, города в древней Вавилонии и бывшей парфянской столицы на восточном берегу Тигра. Он построен македонянами, был завоеван Трояном и разрушен при халифах. Полагают, что название Медаин происходит от древне-зендского слова *Медиена*, означающего город.

²⁰ *Зулькарнейн* значит по-арабски *двурогий*, что, как полагают, надо понимать в смысле владельца *двух стран*. В Коране (гл. 18, ст. 82–97) мы встречаем довольно темный рассказ о каком-то Дул-Карнейне, который, «очутившись между двух плотин и далеко еще за страну, где восходит солнце», построил стену, точнее – «завалил промежуток между двумя горами раскаленным железом и расплавленной медью», для ограждения от Яджудж и Маджудж (библейские Гог и Магог) какого-то «народа, едва понимавшего какой-либо язык». Некоторые из восточных писателей, и преимущественно более близкие к нашей эпохе, относят этот рассказ к Александру Македонскому, основываясь единственно на том, что он покорил *две страны* – Восток и Запад. Но это основание, конечно, слабое и опровергается многими. Так, в произведениях одного из арабских царей и величайшего поэта домусульманской эпохи, *Имруль-Кайса* (см. немецкий перевод Рюккерта, 1843 г.) *Зулькарнейн* является мифическим героем, прожившим две тысячи лет и т. п. По словам других восточных писателей, арабские предания называют *Зулькарнейном* современника Авраама, внука Ноя и сына Сима, «который жив и теперь, и витает по миру, принимая разные виды, так как вместе с Авраамом он пил из источника живой воды и сделался бессмертным»... Писатель Ибну-Аббас говорит: «Имя великого Зулькарнейна было *Абдуллах-ибну-Зохак*. Он был сын волшебницы и прославился ученостью, целомудрием и прекрасными душевными качествами. Он проповедовал о Боге и за это был *дважды* убит людьми и *дважды* воскрешен Богом, почему и называется *Зулькарнейном*. Некоторые доказывают, что Зулькарнейном назывался знаменитый царь Аравии, *Тубба*, прославившийся своими завоеваниями в отдаленных странах; другие – что это прозвище носил один из царей Аравии, *Са'аб*, еще за 1950 лет до появления македонского героя. Наконец, и *Катиб-Челеби* между прочим утверждает, ссылаясь на древних историков, что победитель Дария и покоритель Ирана Александр никогда не назывался Зулькарнейном, что рядом с этим прозвищем древние писатели домусульманской эпохи нигде не ставят имени Александра; а этот, если упоминается, то только в виде *Искандера-Руми* (греческого) или *Филипуса* (сына Филиппа). Заметим для интересующихся этим вопросом, что прозвищу *Зулькарнейн* посвящена весьма любопытная статья в № 47 за 1822 год персидской газеты „Иттила“, издающейся в Тегеране.

²¹ *Мензиль*, называемый также *агач*, *фарсаг*, *фарсанг* и *фарсах* – немного более географической мили.

ных местах многочисленными воинами и рабочими; она же в пределах Табасарана была снабжена, в необходимых местах, железными воротами. Когда стена эта была приведена в надлежащее состояние, последовало приказание, чтобы южнее ее границы была сооружена и другая. В течение семи месяцев город был окончен, снабжен железными воротами и назван *Бабуль-абваб-Дербендом*²². После этого сераскир (главнокомандующий) вместе с мимар-баши (главный строитель) донесли Кубад-шаху, что, с помощью Бога и по милости Государя, рядом со стеною Искандера возведен город, названный Бабуль-абваб-Дербендом.

Историки добавляют, что, по повелению Кубад-шаха, в Дербенд были водворены 3 тысячи семейств, переселенных из Ирана, из племени самого государя, и что, сверх того, туда же были отправлены 3 тысячи всадников, для постоянного несения карульной службы.

Успокоившись относительно всех этих дел, Кубад возвратил к отцу дочь Хакан-шаха, проведя с нею лишь одну ночь, а по другим сведениям, – совершенно целомудренною, из опасения, чтобы возможное от этого брака потомство не дало право повелителям Хазарии претендовать на персидское наследство, что могло повести к раздорам и войнам между этими государствами.

Дочь Хакана достигла столицы своего отца в то время, когда он, пируя со своими вельможами, был в очень веселом настроении. Узнав о случившемся с дочерью, он пожалел о своей оплошности и, в порыве гнева, прикусил свой палец. После этого между обоими государствами возобновились прежние враждебные отношения.

По словам историков, стена Искандера-Зулькарнейна шла на один фарсаг по дну моря и тянулась затем на запад по турецким (в дни автора) владениям, вплоть до берега Черного моря. Другие говорят, что некоторые поврежденные места этой стены были исправлены шахом Гамза, сыном *Бахрам-Гура*, и что он же снабдил ее многими мелкими укреплениями. Есть и такие свидетельства, по смыслу которых ранее Кубад-шаха стену Искандера возобновлял *Ездиджур-шах*, сын Бахрама.

Достоверно, во всяком случае, известно лишь то, что Кубад-шах построил и укрепил город Дербенд, и что, с другой стороны, Хакан-шах, вследствие неудовольствия, вызванного поступком с его дочерью, двинулся на Дербенд со 100-тысячной армией и осадил его.

Узнав об этом, Кубад-шах постепенно собрал 200 тысяч войска и с ним также прибыл к Дербенду. Здесь, выделив предварительно храбрых богатырей, Кубад разделил свою армию на десять корпусов, назначил им предводителей, каждый из которых равнялся сотне людей, и строго внушил, чтобы в битвах все части его войска кидались на врага с острыми саблями и со смертоносными копьями, но каждая – отдельно, и в установленном порядке.

Хакан-шах стоял тогда лагерем на берегу *Дарвакчая*²³. Здесь обе армии выстроились одна против другой, с обеих сторон выступали на середину богатыри и *чархачи*²⁴, которые и начали

²² *Бабуль-абваб*, по-арабски – *ворота ворот*; *Дербенд* (дере-бендь) – плотина, запруда прохода, теснины. Иначе арабы называют этот город *Бабуль-хадиб*, а турки – *Демир-капу*, и оба эти названия означают *железные ворота*. У древних армянских писателей Дербенд известен под названием *Чога* и *Чур* или *Цур*, а у грузинских – *Дарубанд*, который, по их словам, основан еще в мифический период истории каким-то персидским завоевателем по имени *Ардам*. Заметим, кстати, что восточные историки делают грубую ошибку, приписывая Александру Македонскому древнюю стену, которая, по всем данным, существовала значительно еще ранее Кубада, если не до Черного моря, как наивно уверяют эти историки, то, по крайней мере, – на некотором протяжении на запад от Дербенда. Маршрут походов Александра достаточно известен для того, чтобы не сомневаться в том, что он даже не приближался к стране, называемой теперь Кавказом, хотя существуют мнения и противоположные... Если основательно утверждение историков, что на западном, или Дагестанском побережье Каспия, называвшемся в древности *Ихраном*, властвовал и даже жил некоторое время знаменитый персидский государь и современник Зороастра, *Исфендияр*, то весьма вероятно, что некоторым из его деяний, – между которыми могло быть и сооружение Прикаспийской стены, – историки ошибочно приписывают, более близкому к их времени Александру, смешивая его восточное имя *Искандер* с *Исфендияром*...

²³ Речка *Дарвак-чай*, называемая так по аулу *Дарваг*, который лежит в ее верховьях, берет начало в пределах Табасарана и впадает в Каспий в 12 верстах севернее Дербенда.

²⁴ *Чархачи*, по-персидски – воины, начинающие битву, охотники-единоборцы.

битву копьями и саблями. Вслед за ними и *камандары*²⁵ обеих сторон начали пронизывать своими стрелами груди противников на выбор, причем на место павших богатырей немедленно становились другие... Начавшийся таким образом бой продолжался целый день, и только с закатом солнца обе стороны вернулись в свои лагеря. Поле сражения покрыли собою в этот день 2000 воинов из армии Хакана и 1500 – со стороны Кубад-шаха.

Как только следующий день восторжествовал над этой ночью и опять озарился светом, Кубад-шах снова устроил 12 тысяч своих отборных воинов и выступил с ними в поле. Хакан-шах сделал то же самое. Затем, по обыкновению, богатыри и чархачи обеих сторон вышли на середину и, уязвляя друг друга словами и оружием, завязали новый бой. Но вдруг внезапным барабанным боем Кубад-шах дал сигнал к общему нападению и его воины, выхватив сабли и призывая на помощь Бога, врезались в ряды хазаров, одна часть которых была перебита, а другая – обращена в бегство. Быстро затем Кубад-шах отрядил 50 тысяч всадников с 20 предводителями, которым приказал преследовать Хакана и вернуться только после его удаления за Койсу.

Конница эта настигла войска Хакана перед *Каякендом*²⁶ и здесь произошло новое сражение, в котором многие хазары также были перебиты или взяты в плен. Затем бегущие и преследующие противники достигли *Тарху*²⁷, где на берегу моря бой между ними завязался еще раз. Но здесь хазары потерпели окончательное поражение и кинулись на левый берег Койсу. Достигнув этого, победители с огромной добычей возвратились в Дербенд, откуда, оставив здесь пятитысячный гарнизон, с остальными войсками Кубад вернулся в столицу.

Спустя некоторое время, когда Нуширван достиг известного возраста, и достаточно созрел для дел управления, Кубад-шах взял его с собою и снова прибыл в Дербенд. Принц Нуширван предпринял отсюда, с разрешения отца и в сопровождении десяти тысячной конницы, осмотр гор и долин, лежавших в стороне неверных, и вернулся к отцу со стороны Кайтага и Табасарана. На пространстве от Кизляра и Адиль-чая (Волги) до берегов Куры, в горах и долинах не было в это время ни сел, ни укреплений. Поэтому, с целью удалить отсюда хазар и обезопасить от них Дербенд, Нуширван обратился к отцу с просьбой, разрешить ему возвести в этом пограничном районе ряд укрепленных пунктов и заселить их семействами, выведенными из Ирана. «В противном случае, – сказал он, – если хазары овладеют Дербендом, они будут господствовать на границах Ирана, Фарса и Азербейджана и опустошать эти страны своими нападениями».

Кубад-шах одобрил эту мысль и, разрешив ее осуществление, предоставил в распоряжение сына как денежные средства, так и всех, бывших в этой окраине, вельмож и военачальников. Тогда, собрав инженеров и других строителей и мастеров, Нуширван воздвиг и заселил, прежде всего, крепость *Ширван* (Шемаха), а затем – города *Койкаб*, *Шах-абад* и *Шабран*²⁸; эти последние города и укрепления находятся в районе *Мюшкюра*²⁹ и *Шабрана*.

После этого, в расстоянии трех фарсагов от Дербенда, Нуширван воздвиг укрепление под названием *Сул* или *Соль-кала* (левое) и на таком же расстоянии провел стену, которая тянется

²⁵ *Каман*, по-персидски – лук; *камандар* отсюда – воин с луком и стрелами.

²⁶ *Кая-кенд* (скала-деревня), в древности *Гумри* или *Гамри* – большой аул кумыков на речке *Гамри-озень*, в Кайтагском округе, в 47 верстах на севере от Дербенда и в 7 верстах от берега моря. Здесь похоронен известный академик Гмелинг.

²⁷ *Тарху* (Таргу, Тарки) – большой аул кумыков недалеко от берега моря и в 3-х верстах на юг от Петровска. В течение почти трех последних столетий был резиденцией Шамхалов, а в древности – столицей хазар под именем *Семенд* или *Семендер*.

²⁸ *Шабран*, по Дорну – Себран – название древней провинции и несуществующего теперь города, в пределах нынешнего Кубинского уезда. Существуют монеты *Тохтамыш-хана*, чеканенные в Шабране в 1388 году.

²⁹ *Мюшкюр* или *Маишкюр* – в настоящее время один из четырех участков Кубинского уезда, заключающий в себе 119 населенных пунктов. В Парижской версии „Дербенд-наме“ это название встречается в виде *Мускур*. Еще большим изменениям подверглись в разных версиях названия 4-х городов, основанных Нуширваном в районе Мюшкюра. Так, *Койкаб* встречается в них в виде Кеукеб, Кукаб, Кавкаб, Кюркюр, Курбаз, Кузбаз и Кур-Кур. Третий из городов носит названия Киран, Кирал, Кезиран, Кишран и т. д.

на 92 фарсага. Над (?) Дербендом он также соорудил несколько укреплений и башен, и заселил их многочисленными переселенцами из Фарса и Арака. Далее, в разных местах Кара-Кайтага, он основал и заселил несколько деревень, а также города *Саманд*³⁰ и *Анджи*³¹, укрепление *Балхъ*³², города *Кейван*³³, *Ихран*³⁴ и *Кюльбах*³⁵, укрепления *Сурхаб*³⁶, *Кичи-Маджар*, *Уллу-Маджар*³⁷ и другие незначительные укрепления в пределах *Дагестана*³⁸.

³⁰ *Саманд* (по другим манускриптам *Самандар*, *Семид* и *Семандер*) – древнее название города, впоследствии аула *Тарху* (Таргу, Тарки), служившего резиденцией *Шамхалов*; был столицей хазар до покорения его арабами, после чего Хаган снова переселился в Итиль (Адиль) на берегу Волги. Повествующий об этом арабский историк (IX в. по Р. Х.) *Табари*, прибавляет, что город славился своими виноградниками и „был разрушен русскими, или какими-то славянами“. *Ибн-Хаукаль*, арабский путешественник X века, лично посетивший этот пункт, говорит о нем между прочим: „На земле Хазарии есть город, называемый *Самед* и имеющий много фруктовых и цветочных садов; там до 40 тысяч садов, главным образом виноградных. В этом городе много мусульман, которые имеют свои мечети. Население строит дома из дерева. Местный повелитель – еврей, и находится в родстве с царем хазаров“. Некоторые восточные географы отличают Саманд или Самандар от Семид. См. об этом 15 примечание к английскому тексту „Дербенд-наме“, с. 25.

³¹ „Большой город *Анджи*“ (по другим *Инджи*), по словам арабского географа IX века, *Абуль-Касима*, лежал на самом берегу Каспия, в трех фарсагах от Семендера (Тарху). Рейнекс полагает, что этот город лежит на том месте, где в 1722 году Петр Великий заложил укрепление *Булак* (Низовое), а по словам Массуди (X век) в его время он был столицей Хагана. Во всяком случае надо думать, что город Анджи лежал, если не на самом месте нынешнего Петровска, то где-нибудь поблизости его, так как и в настоящее время туземцы иначе не называют Петровск, как *Анджи* или *Анджи-кала*.

³² Показания восточных авторов, относительно местоположения этого *Балха*, столь же различны, как и его названия, очевидно, искаженные переписчиками и встречаемые в разных сочинениях в виде Бельх, Бульхар, Бельдж, Беленджер, Балхар, Балгар и т. д. Автор X века, *Биши-Азми*, говорит в своей „Истории победы“, что *Балх*, или *Белх* был хазарский город, и из его описания следует, что он лежал недалеко от Дербенда. То же самое утверждают *Хамдулла* в своем сочинении „Назхат“, прибавляя, что он основан Нуширваном, и D'Ohsson („Des peuples du Caucaseo“. Р. 55) По словам Табари, который, очевидно, смешивает *Балхар* и *Балгар*, не город, а „страна эта лежит за хазарами, в 200 фарсагах от Дербенда“. Казем-Бек полагает, что *Белх* или *Бульхар* – прежнее название *Эндрея*, лежавшего на 3 мили южнее нынешнего. По берлинскому манускрипту „Дербенд-наме“ *Балхар* был городом провинции *Эндрей*. В парижской версии того же сочинения говорится, что „Белх лежал на реке, протекающей через Ихран и снабжающей водою всю Грузию“. Здесь *Грузия* поставлена, вероятно, по ошибке, вместо *Дагестана*. *Ихран* – древнеперсидское и хазарское название части Аварии, а *Ихран-чай* – нынешняя река Койсу, действительно снабжающая водою весь Дагестан. В Даргинском округе, на одном из протоков Койсу (Казикумухского) и на расстоянии 90 верст от Дербенда, мы встречаем теперь довольно значительный аул *Балхар*, который, к сожалению, нам не пришлось посетить. Между тем, его предания, быть может, могли бы способствовать разрешению вопроса относительно одного из древнейших пунктов Дагестана.

³³ Во всем Дагестане имеется только один пункт, название которого напоминает *Кейван*, или *Киван*, это – небольшой аул Кюринского округа *Кеан*; но имеет ли он какое-либо отношение к упомянутому в тексте Кейвану – неизвестно. Это название вовсе не встречается как в петербургской, так и во многих других версиях „Дербенд-наме“; его также нет и во французском переводе Клапрота.

³⁴ Автор „Дербенд-наме“ говорит несколько далее, что „теперь“, т. е. в его время, *Ихран* (Ihran) принадлежит Аваристану (Аварии), что в нем живет племя *Локан* (Lugkan), называемое „теперь“ *тау-лезги* (горные лезгины) и что ранее в нем жил наместник Хагана с хазарскими войсками. По словам того же автора, *Ихран-чай* – большая река, известная под именем *Койсу*. К этому петербургская версия „Д.-наме“ прибавляет, что *Исфендияр* (сын персидского царя и современник Зороастра, по словам „Шах-наме“ Фирдоуси, см. Услара „Древн. сказания о Кавказе“. С. 141) основал золотой трон в Ихране и поселился в нем, и что поэтому и прилегающая к нему часть страны называлась *владением Ихрана*. В арабской географии под названием „*Мальтабрун*“ говорится, что хазарский город *Ихран* – теперешний *Ирхани* (Ihrani), или *Ирганай*. Это название принадлежит теперь одному из аварских аулов на берегу Койсу, среди населения которого еще циркулирует предание о временах владычества хазаров. Возле своего аула ирганаевцы указывают, между прочим, остатки широкой дороги, по которой, согласно преданию, хазары и их правители кочевали летом на вершину соседней горы Магмиз. Они же рассказывают, что некая хазарка, по имени *Шонтай*, жившая при самом возникновении Ислама и исповедовавшая еврейскую религию, переселилась на правый берег Койсу и основала здесь *аул Аракуни*, первоначально названный ею *Аржа-куни* (по-аварски – ларец, коробка, ящик), что вполне соответствует топографической обстановке этой местности, запертой со всех сторон высокими скалами. Согласно тому же преданию, арабы застали население Ирхани, Аракуни и некоторых еще, ближайших к Койсу, аулов, исповедующими, как наследие хазар, религию Моисея. Что еврейство было не чуждо этому району древнего Ихрана – отчасти подтвердилось и в наше время. Несколько лет тому назад, в Араканах, при разрушении одной древней стены, под фундаментом ее был раскопан плотно закупоренный глиняный кувшин, в котором оказался сверток грубого, сшивного пергамента, покрытого еврейскими письменами. Услышав об этой находке, шушинские евреи явились в Аракань и предлагали за нее большие деньги. Но их предупредил правитель канцелярии Дагестанского губернатора, кн. Накашидзе, взяв этот документ для просмотра. Дальнейшая судьба его не известна. В окрестностях своего аула араканцы указывают семь древних „кафырских“ кладбищ, часть которых местным преданием приписывается также последователям учения Моисея. Ввиду крайне сбивчивых показаний разных авторов относительно местоположения *Балха*, о котором мы говорили в примечании 29, и в особенности ввиду еще того, что некоторые восточные географы смешивают *Балх* с *Ихраном*, и даже употребляют эти названия в виде *Ихран-Балх*, мы считаем уместным указать здесь, что в трех верстах от аула *Ирхани* лежит другой под названием Балахуни. Если в этом названии мы

Пункты эти называются теперь иначе: город *Саманд* носит название *Тарху*. Крепость *Анджи* разрушена; она лежала в трех агачах от Тарху, на берегу моря. *Ихран* носит теперь

отбросим лезгинское окончание *уни*, то тождество существующего *Балах* с искомым *Балх* становится столь же вероятным, как и то, что его смешивали и отождествляли с *Ихраном* вследствие тесного их соседства. Еще одна подробность: в „Дербенд-наме“ *Ихран* назван городом, а *Балх* – укреплением. И действительно, *Ихран*, как подобает значительному пункту, лежит в широкой долине на берегу большой реки, а *Балахуни* – на небольшом притоке Койсу, в узком горном проходе и, очевидно, мог иметь целью только оберегание Ихрана от набегов горных лезгин. Тождество Балка и Балахуни, кажется, не подлежит сомнению, тем более что некоторые арабские географы, как Эль-Истархи и Ибну-Хаукаль, город в Ихране прямо называют *Бейлакан*, а у дагестанцев Балахани или Балахуни еще более известны под названием *Балаканы*.

³⁵ Несколько далее автор „Дербенд-наме“ определяет, что *Кюльбах*, вернее *Гюльбаг* (цветочный сад) – это *Эндрей* его времени. В парижской же версии этого сочинения, по переводу Клапрота, название *Кюльбаха* носит обширная провинция, называвшаяся ранее *Ихраном* и заключавшая в себе все пространство между рекою Койсу и Дербендом: „La seigneurie d'Ihran, qui s'appelle maintenant Gulbakh, cest le territoire entre le Koi'-sou et Derbend“. В этой же версии говорится, что „*Ихран* был столицей провинции *Кюльбах*“ и что та же провинция „носит теперь название *Эндери*, так сказать, *кантона Эндери*“. Сопоставляя всю эту кажущуюся путаницу с другими историческими и географическими сведениями, с которыми читатель встретится далее, мы полагаем следующее: В исторический период, обнимающий последние два с половиной тысячелетия по крайней мере, ни персы, ни хазары не владели *всем* нынешним Дагестаном; под их власть подпадала только приморская плоскость и горная полоса, ограниченная низовьями Койсу. Вся же западная или нагорная половина Дагестана до пределов Грузии оставалась независимой и до самого появления арабов составляла владение Аварское, за исключением некоторых обществ, находившихся с ним в отношениях федеративных. В тот же период, т. е. до завоевания арабами Дагестана, в той части этой страны, которая разновременно подпадала под власть то персов, то хазар, помимо Дербенда, Семендера и Аджи, существовали два еще главных города, служившие резиденциями правителей, поставленных Хаганом или Шахом; это – *Ихран* и *Кюльбах* или *Эндрей*. В связи с разными политическими обстоятельствами, то один, то другой из них служил административным центром одного и того же района и тогда, что было в обычае, давал свое название всей провинции. Вот простой ключ к разъяснению того, что *Ихран*, *Кульбах* и *Эндрей* у одних писателей названы *городами*, у других – *странами*; что в одном месте *Ихран* считается городом провинции *Кюльбах* или *Эндрей*, в другом – наоборот; что у некоторых все эти три названия считаются *тождественными*, и что, наконец, какой-нибудь, положим, *Балх*, у одних является крепостью в районе *Ихрана*, у других – в пределах *Кюльбаха* или *Эндрея*. Итак, *Ихран* и *Кюльбах*, позже называвшийся *Эндреем*, были двумя различными городами, но все эти названия тождественны в смысле страны или провинции: то есть один и тот же район, между Койсу и Дербендом, разновременно носил названия то *Ихрана*, то *Кюльбаха*, то, наконец, *Эндрея*. Есть полное основание думать, что существовали два *Эндрея* – нынешний, называвшийся *Кюльбахом*, и другой, более древний, лежавший, по преданию, верст на 15–20 южнее первого и иногда называемый *Балхом*. Географ *Челеби* говорит, что оба эти города находились в Дагестане (см. его „Географию“. С. 101–102). *Бергман*, в своей „Истории Петра Великого“, приписывает основание *Эндери* (Андреева-городка) русским войскам, побывавшим в приморской части Дагестана в конце XVI века, во время царствования Феодора Иоанновича. Другие прибавляют к этому, что якобы Андреевские кумыки ведут свой род от атамана гребенских казаков Андрея. Но все это очевидная фантазия. Из оснований, приведенных нами в предисловии к настоящему переводу, нельзя не усмотреть, что *Эндери* представляли уже обширный город и, по всей вероятности, за много еще веков до эпохи царя Феодора, а в годы его царствования (1584–1598) там жил автор „Дербенд-наме“, и сочинение это было уже написано. В этот же почти период, в 1580 году, появившийся на низовьях Терека атаман Андрей едва отражал со своими 300 казаками нападения туземцев; следовательно, не только не может быть и речи о происхождении от него Андреевских кумыков, но более чем сомнительна даже возможность его вторжения в глубь населенной страны, в многолюдное *Эндери*, население которого в 1722 году истребило даже всю конницу Петра Великого, проходившую здесь под начальством Апраксина. Да, наконец, название *Эндери* вовсе не происходит от Андрея, а это есть, по объяснению самих эндреевцев, изменение кумыкского слова *эндир*, вернее *индир* (род. *индири*, *эндири*), что значит: *место, где молят хлеб*, приготовленные для этого *круглые площадки*. (Объяснение этого названия см. „Чечня и чеченцы“ Берже. С. 136).

³⁶ По словам автора „Дербенд-наме“, на развалинах древнего *Сурхаба* впоследствии возник город Кизляр-кала. Это последнее название означает по-тюркски *крепость девиц* и, что замечательно, географическое положение Кизляра вполне соответствует, кажущимся невероятными, известиям Страбона и других классических писателей о прикаспийских амазонках. У кумыков, считающихся потомками хазар, даже сохранилась древняя песня, рисующая нравы этих амазонок и начинающаяся фразой: „Из крепости девиц (Кизляр-каладан) идут девы к нам: кто выйдет к ним навстречу – получит их любовь“ и т. д. В Берлинской версии „Дербенд-наме“ и в извлечении Клапрота *Сурхаб* не упомянут. Основываясь же на петербургской версии, Казем-Бек совершенно иначе определяет этимологию названия *Сурхаб* и его превращение в Кизляр. В этом манускрипте говорится по поводу Кизляра, что „вблизи его, на местности называемой *Кызыл-яр* (по-тюркски – *золотая*, или *красная скала*, берег) были золотые рудники, а в верховьях Терека – серебряный“. Казем-Бек предполагает, что поэтому основанную на низовьях Терека крепость персы называли *Сурх-аб* (по-персидски – *красная вода*), а тюрки впоследствии, на своем языке – *Кызыл-яр* (красный или золотой берег), что с течением времени „могло“ превратиться в *Кизляр*.

³⁷ Эти названия двух *Маджар* (*Уллу* и *Кичи* – большой и малый) теперь не встречаются в Дагестане, вероятно, потому, как говорится далее в „Дербенд-наме“, что построенные Ануширваном укрепления „большую часть теперь разрушены и давно покрылись лесом“. В Кубанской области, на берегу реки Кумы, существуют обширные развалины *Маджара*, нередко упоминаемого в истории России, и о котором в начале XIV века *Ибну-Батута* говорит, что это был „большой и красивый город“. *Маджар*, иначе *Мадьяр*, этническое название одной из тюркских рас, постоянно вторгавшихся в течение V–VII столетий в северные и западные пределы Каспийского побережья. Первоначальное их появление здесь совпадает с эпохой царствования Ануширвана и, весьма вероятно, что в свое время название их приурочилось и в восточном Дагестане к некоторым, теперь

название столицы *Аваристана* (Аварии), Кюльбах – *Эндрея*, Сурбах – *Кизляра*. В Кизляре было месторождение меди, а у Терека – серебра, и оба они находились во власти правителя Ихрана. Уллу-Маджар и Кичи-Маджар называются теперь *Джулад* и *Татар*; последнее название происходит от того, что, после разрушения города, большую часть новых его обитателей составили татары, выходцы из Крыма, которые также подчинялись правителю Ихрана.

Поручив все эти города и крепости особым правителям, Нуширван приказал, чтобы они дружно противодействовали всякой попытке хазар проникнуть в эту страну. Рассказывают, что с той же целью, преграждения пути хазарам, Нуширван выстроил 360 городов и укреплений на пространстве от окрестностей весьма известного города *Бару-чай* (?) до пределов Дербенда, и что некоторую часть населения, водворенного на границах Дагестана, он вывел из Хорасана. Прибавляют к этому, что весьма значительная река Ихрана протекает через Кюльбах и называется теперь *Койсу*, и что правитель этой страны пребывал в стороне Деш-Кипчака.

Крепость *Гумри*³⁹ называется теперь *Каякенд*, Ихран – *Хунзахом*⁴⁰, а вся страна с окрестными деревнями – *Аваристаном* (страною аваров). Некоторые, впрочем, называют Ихран *Кумуком*⁴¹. Здесь же было племя *Туман*⁴², распространенное от города Ихрана до Гумри и назы-

не существующим, пунктам.

³⁸ В арабской географии „Мальтабрун“ говорится, что *Даг-истан* (по-адербейджански – *страна гор*), или *Ласжистан* (лезгистан – страна лезгин) в древности назывался *Банья*, и что это название превратилось у арабов в *Ал-Банью*. Трудно допустить, чтобы такое объяснение не имело основания, хотя невозможно и согласиться с ним. Страбон и другие греческие, римские и армянские писатели, еще за много столетий до появления на Кавказе арабов, упоминают *Албанию*. По Страбону Албания касалась на западе Иберии, на востоке – Каспия, на юге – Армении (Камбизены), а с севера была „защищена“ Кавказскими горами; следовательно, Дагестан, как лежащий севернее этих гор, не входил в эту Албанию. Моисей Хоренский различает две Албании (Ахованк): *Армянскую* – между Араксом и Курю, с главным городом Партав (Барда), и Прикавказскую, или *Пайтакаран* – на северо-востоке от первой, до берега Каспия, с главным городом Пайтакаран. Эта Албания позднее называлась *Аран*, что, по всей вероятности, – персидский *Ихран*, и в ней, по географии Клавдия Птолемея (II в. по Р.Х.), мы находим *устья реки Саеси-ус*, что, если отбросить латинское окончание *ус*, весьма близко к названию реки *Койсу*, которую арабы (Мальтабрун) называли *Кова-су*. В этой же Албании Моисей Каганкатвацци в своей „*Истории Агванг*“, а также и другие армянские летописи, упоминают проход *Чога*, *Чора*, *Албанский* и *Дербендский*, – безразлично для обозначения одной и той же местности. Принимая все это в соображение вместе с „*устьем р. Койсу*“ (а не все его течение), необходимо допустить, что древняя Албания заключала в себе приморскую часть Дагестана, вернее – *Ихрана*. Главная же или *нагорная* часть Дагестана, заключающая в себе округа Андийский, Гунибский, часть Казикумухского и бывшее ханство Аварское, не называлась *Албанией*, и, сколько нам известно, никакие свидетельства древних писателей не опровергают это предположение.

³⁹ *Кая-кенд*, значит „Скала-деревня“, и это название носит большое село в Кайтаге, расположенное на *обрывистом* холме, в 7-ми верстах от берега моря и почти на середине пути между Дербендом на древней хазарской столицей *Семене* (Тарху). Нам кажется не подлежащим сомнению, что именно в этом пункте лежало древнее укрепление *Гумри*: во-первых, на это прямо указывает автор „Дербенд-наме“; во-вторых, в описываемую эпоху место это должно было иметь значение тактическое и стратегическое, и, наконец, у *Кая-кенда* протекает речка, и до сего времени называемая *Гумри*. Между тем, в некоторых версиях „Дербенд-наме“ мы встречаем выражение „Гумри находились на *некотором расстоянии* от Ихрана“, и поэтому Казем-Бек находит возможным предположить, что *Гумри* эти могли находиться и на месте известной родины Шамиля, аула Гимри, лежащего на берегу *Ихран-чая* (Койсу), в 14 верстах от Ихрана (Ирханая). Но такое предположение опровергается следующей фразой тех же версий: „Между Ихраном и Гумри жило племя *Туман*, правитель которого носил титул *Туман-шаха*“. На 14-верстном протяжении между Ихраном и Гимри нет ни одного населенного пункта, да и быть его не могло, так как весь этот район переполнен скалами; следовательно, предположение о том, что здесь сидело целое племя, правитель которого носил титул шаха, отпадает само собою. Другое дело – *Гумри* (Кая-кенд). До него – с лишним 100 верст от Ихрана, даже по кратчайшей дороге, и на этом пространстве, при некоторой ширине, могло уместиться любое из дагестанских племен. Окончательным подтверждением тождества *Гумри* и *Кая-кенда* служит следующая за речью об этих названиях фраза по версии Клапрота: „Далее находится страна *Кайтаг*“. И действительно, северная граница Кайтага начинается верстах в десяти от Кая-кенда, около аула Бойнак, который всегда и назывался поэтому *Дазуюрт*, т. е. пограничная деревня. Заметим, кстати, что родина Шамиля носит название *Гимри* только у кумыков и русских; а местные жители, и вообще лезгины, называют этот пункт *Гену*.

⁴⁰ *Хунзах* – большой аул в Аварии, служивший, со времени появления арабов и до 1834 г., столицей местных властелинов, называвшихся *Нуцалами*. По преданию, до арабского периода Хунзах лежал на горе *Чина-мезр*, верст на 10 восточнее нынешнего его местоположения, где существуют развалины, и тогда столицей Нуцалов считался *Танус*, небольшой теперь аул в 7 верстах на север от Хунзаха.

⁴¹ *Кумухом* называются в Дагестане два аула: в нагорной части этой страны – бывшая столица Казии-Кумухского ханства, и на плоскости – в четырех верстах от Т.-Х.-Шуры, – последняя резиденция Шамхалов. К названию первого из этих аулов, ранее других принявшего ислам и способствовавшего его распространению среди горцев, арабы прибавили титул *Гази*, и он назывался поэтому *Гази-Кумух* (Кумух воителей за веру); второй же аул, в отличие от этого, стал называться *Кафыр-Кумух*, то есть Кумух неверных. *Кумух*, как этническое название, принадлежит в Дагестане также двум племенам: горцам-лезгинам,

ваемое теперь *Тау-Лезги* (горные лезгины), которых столица называется *Акуша*⁴³; они были выведены из Хорасана.

Ближе сюда (к Дербенду) лежит страна *Кайтаг*, а над нею живет племя *Зерахгеран*, называемое теперь *Кубани*⁴⁴; еще выше лежит страна *Кумух*, а потом – *Табасаран*. Все эти укрепления и пограничные пункты, от стены и до Кюльбаха, составляли защиту Дербенда.

составлявшим ранее Кази-Кумухское ханство, и на плоскости – тюркскому населению бывшего Шамхальства Тарковского, состоящему, по всей вероятности, из смеси хазар и ногайцев, с остатками полчищ Тамерлана.

⁴² Кумухи, упомянутые в примечании 28, и к этническому названию которых арабы прибавили впоследствии *Гази* (воители ислама), – называют себя *Лак* (откуда и происходит грузинское *Леки*, арабское *Лакзи*, персидское *Лаззи*, турецкое *Леззи* и русское *Лезгины*), а страну свою – *Лак-кан* (род. Лак-кану). Надо полагать, что автор „Дербенд-наме“, по незнанию лезгинских языков, вместо этнического *Лак* употребил географическое *Лаккан*. Тогда тождество этого названия с упомянутым в тексте (по версии Казем-Бека) *Локкан* оставит, тем не менее, сомнения, что в некоторых других версиях „Дербенд-наме“ (Илисуйского и Клапрота) вместо *Локкан* стоит племя *Туман*, а этим последним именем аварцы и до сего времени называют тех же *Лаков* или *Кумуков*. Следовательно, *Лак* (Локкан), *Тумал* (Туман) и *Кумук* – синонимы, выражающие одно и то же лезгинское племя нынешних *Кази-Кумуков*, вернее – *Гази-Гумуков*. Для объяснения этимологии слова, принявшего в русской речи форму *Кумук*, надо заметить, что горцы произносят его на букву *г* и с едва слышным участием буквы *н*, т. е. как *Гунмукх* и что *мукх* по-лезгински значит *страна*. Отсюда *Гун-мукх* – страна гун или гуннов. В подкрепление этого не лишнее прибавить, что в стране Кази-Кумухов слово *гун* и *хун* участвует в названиях как главного их аула, так и многих других населенных пунктов, как Бу-гун, Хунчукат, Гун-ди, Лад-гун и т. д. Затем соседи Кази-Кумухов, Даргинцы, до сего времени называют их *Булу-гуни* (новые гунны?) и, наконец, *гуи*, *хун* или *кхун* на языке Дагестанских лаков или кумухов имеет то же самое значение, какое *bin* и *bine* – на древнесеверных наречиях немецкого языка, т. е. *высокий*, *великан*. Затем *Авары* (Обры русских летописей), по всей вероятности, составляли одно из Гунских племен; надо так думать, между прочим, и потому, что, говоря о них, латинские и немецкие летописцы средних веков весьма часто выражаются „*Huni Avari dicti*“, т. е. *Гуны*, *называемые Аварами*. И в Нагорном Дагестане рядом с *Гунами-Кумухами* живет большое племя *Аваров*, бывшая столица которых носит название *Хунзах*, т. е. крепость хунов, гунов. Слова *obr* и *obrin* (авар) на языке славян, живущих в Германии, тоже значили: *высокий*, *великан*.

⁴³ *Акуша* (аку – главный, ши – селение) большой аул *Даргинского* округа и, пожалуй, столица (только не племени *Тумал*, под каковым названием надо разуместь Гази-Кумухов) бывшего союза Даргинских обществ, так как в нем жил кадий, управляющий этим союзом.

⁴⁴ *Кубечи* – большой аул в Кайтагском округе и один из интереснейших пунктов Дагестана. Благодаря мирным наклонностям населения и его всегдашней политике держаться стороны сильнейшего из враждующих соседей, аул этот никогда не был разрушен, и в нем сохранились поэтому древние стены из тесаного камня, многоэтажные башни и целые здания, которых орнаментальные украшения с неизвестными письменами, превосходные барельефы, изображающие разные охотничьи и бытовые сцены, и, наконец, мастерские изваяния из камня львов, собак, свиней и других животных, свидетельствуют о несомненно-высокой культуре, некогда царившей здесь, и поражают своей неожиданностью в этой глуши Дагестана. Совершенство некоторых изваяний положительно говорит о древнегреческом искусстве, на то же намекает и местное предание. „Наши предки, – рассказывают кубечинцы, – в числе около полутора десятков мастеров-френгов, были из *Рума* взяты *Искандером Зулкарнаином* (Алекс. Макед.) с собою в поход, для выделки оружия. Сами же они отделились от войска или были оставлены почему-либо, – не известно; но, очутившись вблизи моря, они были водворены, тогдашним властелином Дербендского побережья, в местности *Кемах* (теперь табасаранский аул в 10 верстах на западе от Дербенда), где они занимаются выделкой панциря. Но климат *Кемаха*, а равно и *Дарила* (тоже деревня около Маджалиса), куда они были переселены через год, оказался для них пагубным; поэтому они удалились в горы и избрали настоящее место нашего аула, где во все времена, как и теперь, все были мастерами, и никто не занимался ни земледелием, ни скотоводством. Поселившись здесь, предки наши взяли жен из соседних обществ, утратили первоначальный язык свой и прославились как лучшие в Дагестане мастера, снабжавшие почти весь край сначала панцирями, кольчугами, луками и стрелами, а затем – ружьями и пистолетами“. Кубечинцы говорят на особом языке, совершенно непонятном остальным дагестанцам; но из 60 слов, выражающих первичные понятия и записанных нами в этом ауле, 16 оказались аварскими и 4 тюркскими. Называют они себя *Oibo* (*oi* – понимающий, *bo* – общество, войско; в ед. ч. *oibokan* – огбоканец). Соседи, казикумухи, называют их Орго, а аварцы – *Ориабак* и *Уриабак* (бак – место). *Кубечи* – тюркское название этого племени, *Дергкарани* – персидское и *Зерахгеран* – арабское. Значение всех этих трех названий – *панцирделатели*. В числе старинной и весьма оригинальной металлической утвари, сохранившейся у кубечинцев, многие медные и бронзовые блюда, с изображением бытовых сцен и с латинскими надписями, оказались происхождения, несомненно, итальянского. Отчасти поэтому некоторые ученые считают кубечинцев потомками генуэзских выходцев, что подтверждается, между прочим, и древними грузинскими сказаниями. Так, в родословии грузинских князей, составленном древними царями и представленном Ираклием II Императрице Екатерине II при заключении русско-грузинского трактата в 1783 году, сказано (см.: „Иверия“. 1884. №V. 1884. С. 34), что князья Чолокашвили происходят от тех генуэзских итальянцев, которые в 1100 году по Р.Х. прибыли и покорили Крым. Переселенцы эти вели торговлю между морями Понтийским и Каспийским. Одному из их предводителей понравилось местечко *Гемри* в Дагестане (в этой стране имеются Кая-кенд, называвшийся в древности *Гумри*, и *Гимри*, родина Шамиля, называемая лезгинами *Гену*), куда он и переселился с множеством народа; их и теперь называют *геноэлами* и *копачами* (кубечинцами). Предводителя этих геноэлов дагестанцы прозвали *Чолога* (левша). Имея множество баранты и рогатого скота, он травил пастбища и стеснял местных жителей; поэтому туземцы восстали против него, ограбили и изгнали». Далее рассказывается, что Чолога в 1320 г. прибыл с семейством, по Дербендской дороге, в Грузию, к царю Георгию V, который подарил ему уголья в Кахетии и утвердил в княжеском достоинстве за разные услуги, оказанные грузин-

Некоторые историки рассказывают, что после Дербенда Нуширван построил город *Аль-фун* или *Альпен*⁴⁵ и от него до Дербенда еще 160 городов и укреплений. По другим же известиям, еще ранее Нуширвана, город Альфун был построен *Исфендияром-Кишмасб*, сыном *Сохраба*; Нуширван же только исправил его повреждения, снабдил его железными воротами и назвал *Дервезен-Алан* (Аланскими воротами). После этого, получив разрешение от своего отца, Кубад-шаха, он также воздвиг города Шабран, Багдад, Кюр-кюр и, на расстоянии одного фарсага от последнего, – крепость под названием *Калан-Абад*⁴⁶.

В районе от города Альфуна до Ихрана Нуширван основал семь *иклымов*⁴⁷ (разделил на семь частей или округов) и назначил им правителя, называвшегося *Туман*. В Табасарани он поставил правителя по имени Табасаран (Табран, Сабран?), который бал начальником и Дербендского гарнизона. Одну провинцию населяли лезгины, выведенные из Исфагана; их правитель назывался *Ихран-шахом*. Другую населяли Кумухи, выведенные из Гиляна, и правитель которых носил титул *Филан-шах*. Еще одну провинцию населяло племя *Мискат* (или *Маскат*), выведенное из Илана, и правитель которого назывался *Тутун-шахом*.

В древних книгах мы находим и другое утверждение, что население Табасарана и Кюра, до самого Кумуха, было выведено из Кешана и Гиляна⁴⁸, а жители Мюскура и Кайтага – из Ширази. По тем же сведениям, остальные пограничные пункты Дагестана Нуширван-Справедливый заселил своим племенем и дал им правителя из своего рода. Благодаря всем этим мерам, Дербенд был обеспечен от покушения хазар, и хотя пограничные столкновения с этими неверными происходили по-прежнему, но овладеть городом они уже были не в силах.

После смерти Нуширвана хазары снова овладели пограничными укреплениями и своими опустошительными набегами вторгались в пределы Арака и Азербейджана. Тем не менее, государи Ирана успешно отстаивали Дербенд от покушений неверных до тех пор, пока святой пророк, – глава и образец творения, гордость миров, вечное совершенство и ходатай человечества перед Создателем в загробном мире, Мухаммед-аль-Мустафа, да будет над ним благословение Бога! – удостоился небесного посланничества. В это же время хазары овладели и Дербендом и, одновременно с Румом⁴⁹, Фарсом и Ираном, начали нападать на последователей ислама. Тогда святой посланник Божий, собрав 4 тысячи воинов, отправил их, под начальством лучших своих предводителей, против Рума и хазар. Быстро двинувшись в путь, достигнув Дербенда, и сражаясь острыми саблями и смертоносными копьями, эти воины ислама одолели хазар и донесли

ским царям им и его предками... Вообще происхождение кубечинцев – вопрос не решенный, и, между прочим, название *генуэзцы-копачи*, даваемое им грузинскими летописями, наводит на мысль, не вышли ли они из славившегося некогда своей цветущей торговлей, селения генуэзцев *Кона*, которое существовало в древности в нынешней Кубанской области, на месте нынешней станции Славянской? Предположение это кажется тем более невероятным, что на языке самих кубечинцев (*чи* – человек, люди) *копачи* значит *люди из Кона*...

⁴⁵ Под названием *Элпен* или *Алпана* существует теперь в Кубинском уезде деревня, возле которой указываются остатки каких-то развалин.

⁴⁶ *Калан-Абад* значит по-персидски «населенная крепость». В Геокчайском уезде имеется деревня Кала-бад или Кала-бенд, но не известно, существует ли какая-либо связь между этими названиями.

⁴⁷ Вслед за этой фразой Петербургской версии гласит следующее: «Еще до Ануширвана в этих округах возводил укрепления и назначал из своего рода правителей *шах Исфендияр*; но эти укрепления разрушились. Населения столицы Ихрана и Кюльбаха Исфендияр вывел из Хорасана». Вместо этого в парижской версии говорится, по словам Клапрота, что «в крепости Ихрана мастера Исфендияра устроили золотой трон. Поэтому Ихран называли (персы) *Саиб-серир*, а арабы – *Хатам аль-джабал*». По объяснению историка *Хамза Исфаганишан*, наместники персидских государей, управлявшие Азербейджаном, Арменией и пограничной с хазарами областью, назывались *Серир-шахами* (провинциальными шахами), и что *Саиб-серир* значит *владелец места* или *маленького трона* (наместничьего, не могущественного). Значение арабского *Хатам-аль-джабал* – конец или печать гор. О том же предмете Петербургская версия выражает так: «В Ихран Исфендияр сел, устроив золотой трон. Падишахство этой страны называли *Стольным-Ихраном*».

⁴⁸ В числе пунктов, получивших свое население из Кешана и Гиляна, в других версиях упоминается также *Мискинджи*, большой аул Самурского округа, замечательный тем, что в Дагестане он один исповедует шиитское учение. Название этого аула производят от лезгинского слова *мискин* – бедный.

⁴⁹ *Рум* – мусульманская форма Рима. Под этим же названием восточные писатели понимают Грецию и Византийскую империю.

о победе святому пророку. Получив эту радостную весть и возблагодарив за нее Господа, пророк отправил повеление, чтобы население Дербенда было призвано к исламу и ознакомлено с его догматами. Вследствие этого дербендцы приняли мусульманство и с полной верой начали исполнять его постановления.

Вскоре после этого предводители войск ислама передали управление Дербендом прежнему его властелину, а сами, вернувшись со своими воинами в Аравию, заявили пророку, что «Бабуль-абваб-Дербенд» есть ворота всех городов, что он, как арена постоянных войн, имеет великое значение, а с его обладанием сопряжены громадные преимущества, и что, наконец, этот пункт, будучи во власти хазар, неминуемо поведет к тому, что и страны Фарс, Арак и Азербейджан, вместе с пограничными землями, также перейдут во владение их трона.

Глава II. Поход в Дагестан арабов под начальством Ибрагима, Салмана и Рабиятул- Бахли. Предание о смерти Салмана. (По версии султана Илсуйского)

Историки сообщают, что в 41 году гиджры (662 по Р. Х.), при халифах Бани-Омайя (из династии Омайядов) было получено известие, что Хакань-Чинь, собрав 300-тысячную храбрую армию из хазарского племени и покорив все земли, пограничные с Дагестаном, подошел уже к стене (Кавказской) с целью овладеть Дербендом. Тогда, по повелению халифа того времени (Муавия), *Ибрагим, Салман и Рабиятул-Бахли*, с четырьмя тысячами отборных воинов, выступили на помощь Дербенду, с твердой решимостью отстоять этот город. В странах Азербейджана, через который лежал их путь, они силою оружия обратили в мусульманство всех его жителей и затем подошли к Дербенду и заняли его без сопротивления, так как хазары, занимавшие Нарин-кала (цитадель) этого города, отступили, ввиду приближения арабов, в крепость *Гумри*, или Хумри (Humri), – нынешний *Кая-Кенд*.

По той же причине думал об отступлении и Хакан-Чин. Но его вельможи и приближенные нашли недостойным такой образ действия, и он, оставшись волей-неволей, расположился лагерем на берегу Дарвак-чая. С другой стороны Ибрагим, Салман и Рабиятул-Бахли вышли из Дербенда и также расположились со своими войсками на равнине *Аби-Эйн*⁵⁰.

Хакан слышал о боевых качествах арабов, что они считают смерть на войне обретением рая и поэтому всегда предпочитают ее бегству. Ввиду этого однажды он сказал своим приближенным: «О мои визиры и вельможи! Говорят, что на арабское племя не действуют сабли и копья, что только поэтому эти воины решились выйти из своей далекой страны на войну с нами. Подобаает ли нам бороться с ними?..»

После того, как слова эти разнеслись по хазарскому стану, один из этих неверных подкрался к мусульманину, купавшемуся в море, оставив на берегу свое платье и оружие, и убив его стрелою, принес к Хакану отрубленную голову. Он сказал при этом:

Вот, повелитель, голова одного из арабов, которых, по вашим словам, не берет никакое оружие. Его, купавшегося в море, сразила моя стрела, а сабля довершила остальное.

– Совершенное тобою не есть плод храбрости, – ответил на это Хакан. – Ты не мог бы убить араба, если б он был при оружии...

Как только это стало известно мусульманам, *Ибрагим, Салман и Рабиятул-Бахли* построили свои войска и двинулись вслед за знаменами. Хакан-Чин также выстроил свою армию. Богатыри обеих сторон выступили тогда вперед и завязали битву прекратившуюся только с наступлением вечера и в которой 20 тысяч хазар заслужили вечное проклятие и переселились в ад, а 200 мусульман испили *шербет* блаженной смерти *шахидов*⁵¹

С рассветом следующего дня богатыри обеих сторон снова сразились на боевом поле и бились копьями и мечами, пока солнце не скрылось за горизонтом. Храбрые мусульмане поражали врагов, то налетая на них, то обращаясь в мнимое бегство. Хазары лишились в этот день 10 тысяч своих воинов⁵², а к ночи обе стороны вернулись в свои лагеря.

⁵⁰ Аби-Эйн значит – чистая или ключевая вода. *Аб* по-персидски – вода, *эйн* по-арабски – ключ. Под этим названием и теперь существует, в северных окрестностях Дербенда, группа источников и садов. В некоторых версиях, вместо Аби-Эйна, стоит *Аваин*.

⁵¹ Эта фраза является почти стереотипною в старинных мусульманских сочинениях, имеющих предметом религиозные войны, когда речь коснется павших. Сторонники ислама обязательно отправляются при этом в рай, а их противники – в ад. *Шербет* – душистый, сладкий и прохладительный напиток, а *шахид* – павший за веру.

⁵² В других версиях потеря эта показана в одну тысячу. Вообще цифры потерь, встречаемые в «Дербенд-наме», не внушают

На третий день, когда взошедшее солнце озарило всю окрестность, воины ислама, как разъяренные львы, кинулись на вражеский строй и бились с таким остервенением, что над кровью, окрасившею равнину, местами плавали отрубленные головы, и кони едва могли двигаться между горами валявшихся тел. В этот день арабы навели такой ужас на хазар, что перед каждым из них обращались в бегство целые сотни этих неверных. Сражались опять до позднего вечера и значительная часть хазар снова подверглась истреблению или была захвачена в плен, а остальные бежали в свой лагерь.

На рассвете четвертого дня арабы построились снова и устремились на хазар с таким самоотвержением и внушительностью, что последние, несмотря на свою многочисленность, обратились в бегство, не дождавшись столкновения. Преследуя их по пятам и поражая или захватывая настигнутых, мусульмане на этот раз ворвались за окопы своих противников, где и расположились для ночлега.

На пятый день бой завязался на берегу Дарвак-чая. Перед началом его, Хакан-Чин обратился к своим войскам с такими словами: «Богатыри мои! Сражайтесь мужественно и не бегите подобно женщинам!» Однако, деморализованные воины его, хотя и двинулись вперед, но нерешительно. С помощью Бога, арабы в этот день снова поручили *Малику*⁵³ двадцать тысяч неверных, а 500 человек из среды их самих испили шербет праведных и выпустили в рай свои души.

Сильно опечаленный таким исходом сражения, Хакан-Чин обратился к своим воинам с речью: «Я слышал, – сказал он, – что по храбрости арабы не имеют себе равных, а потому и не хотел воевать с ними. Но вы настояли на этом, и в результате погибло столько воинов, и неизвестно скольких еще ожидает та же участь!..» Свое обращение хазарский царь заключил так: «Неужели у вас нет совести и мужества, что решаетесь на позорное бегство перед нашими врагами!.. Победа дается только тем, которые принимают единодушное и твердое решение вырвать ее во что бы то ни стало. Вам необходимо поступить так. Если же и в этот раз кто-либо повернет лицо от врага и обратится в бегство, то весь род его я сотру с лица земли».

После такого предупреждения наступил шестой день боя. Едва он озарился светом, как уже праведные Салман и Рабиятул-Бахли построили свои войска и поручили их начальству Абу-Саида; а сами затем, с 40 воодушевленными богатырями, с обнаженными саблями в руках, оглашая небо возгласами *Аллаху-акбар!* (велик Бог) и продолжая их *салаватом*⁵⁴, первыми, подобно разъяренным львам, ринулись с правого крыла на войнство Хакана. Кидаясь затем то на правый, то на левый фланги хазар, эти священные мужи бились с таким самоотвержением, что со времени Адама и до дней последнего пророка Мухаммеда⁵⁵, мир не только не видел такого подвига ни со стороны Рустама-Зала, Сохраба, Афросияба и других богатырей или многочисленных войск, но и не увидит ничего подобного до дня воздания. В этот день эти 40 богатырей отправили в ад шесть тысяч неверных и сами, вместе с Салманом и Рабиятул-Бахли, испили шербет праведных мучеников за веру и выпустили свои души в лоно вечного блаженства (рай). Теперь они покоятся возле Дербенда, на особом кладбище, называемом, по числу этих шахидов, *Кырхлар*⁵⁶ (сорок). Остальное ведомо Богу⁵⁷.

Проклятый Хакан уже не мог более держаться и обратился в такое бегство, что до достижения крепости ни один из его неверных не мог повернуться, чтобы пустить в ход свои стрелы.

доверия к их правдивости...

⁵³ *Малик*, по мусульманскому поверью, – хранитель ада.

⁵⁴ *Салават* – молитвенный призыв Божьего благословения на пророка Мухаммеда.

⁵⁵ По вероучению мусульман, Мухаммед был предназначен быть последним из пророков.

⁵⁶ *Кырхлар* – великая святыня дербендского населения и представляет собою 40 тесно скученных могил, обнесенных общей каменной оградой и расположенных в середине обширного древнего кладбища, перед северными стенами Дербенда. Над каждой из этих 40 могил лежат огромные, почерневшие от времени, монолиты в 5 аршин длины и по полтора – в ширину и высоту, напоминающие по форме закругленные сверху гробы, но без всяких украшений и надписей.

⁵⁷ Это также стереотипная фраза, которой мусульманские писатели заканчивают свои повествования. Понимается она в том смысле, что «так рассказывают, а верно ли это – Аллах ведает»...

Эта крепость Хакана находилась на горе, возвышающейся над Гумри-чаем, откуда открывается вид на море. Теперь она называется *Кая-кендом*. Увидав здесь, что мусульмане уже прекратили преследование, Хакан горько упрекал своих воинов в малодушии, проявленном в новом бегстве. Затем он прибавил:

«Мне нужен храбрец, который бы принес верное известие о мусульманском войске».

Трое вызвались исполнить это поручение и прибыв на поле битвы, увидели, что многие из мусульман пали смертью праведных, а остальные возвратились. Когда посланные привезли это известие, проклятый Хакан также посетил место сражения и, при виде огромной массы тел его воинов и предводителей, покрывавших собою боевое поле, тяжело вздохнул и прослезился...

После этого, выделив и отправив 3 тысячи воинов для охраны Дербендской стороны, с остальными войсками Хакан удалился сначала в крепость Анджи, находившуюся ниже Тарху, на берегу моря, а затем еще далее – в Ихран.

Историки рассказывают, что после этого события, на Анджи и его окрестности обрушился жестокий голод, от которого умерло много народа. Астрологи и ученые узрели тогда в своих книгах и объявили, что бедствие не прекратится и ни капля благодатного дождя не достигнет земли до тех пор, пока не будут похоронены тела павших в бою *шахидов*. Вследствие этого, население Анджи, собравшись стар и млад, прибыло на место сражения и увидало, что сияние окружает тела шахидов и поднимается к небу. Будучи поражены этим чудом, неверные похоронили их согласно правилам Ислама.

Предание гласит затем, что тела благочестивых Салмана и Рабиятул-Бахли, – да сподобятся они одобрения Аллаха! – были в особых гробах перевезены населением Анджи к себе и преданы земле по мусульманским обрядам, причем были устроены поминки и розданы щедрые милостыни. После этого собравшийся народ, подняв руки к небу, молился о прекращении бедствия из милости к шахидам. Господь услышал их моления: полил благодатный дождь, к населению Анджи вернулось его прежнее благосостояние, а процветание этого значительного города благотворно отразилось и на прилегающие к нему страны.

Глава III. Экспедиция в Дербенд войск Валида, сына Абдул-Малика

В исторических сочинениях говорится, что в 64 году гиджры (684 г.) Валид, сын Абдул-Малика, получил известие, что хазары овладели Дербендом и разоряют мусульманские земли. Ввиду этого, он приказал своему брату, по имени *Муслиме*, собрать из племен Шама (Сирии) сорок тысяч храбрых воинов и, снабдив их оружием и всем необходимым, с большою казною выступить в поход и овладеть Дербендом со всеми пограничными в этом районе укреплениями; а по исполнении всего этого – расположиться в Дербенде и известить его.

Согласно этому повелению, его высочество Муслиме собрал из сирийцев сорокатысячное войско и направился к Дербенду. Овладевая по пути всеми крепостями и сажая в них новых начальников, он прибыл в Ширван и Машкур, которым также дал новых правителей. Затем он подошел к берегу *Рубаса* и разбил здесь свой лагерь.

Цитадель Дербенда, Нарин-кала, была занята тогда трехтысячным хазарским гарнизоном. Войско мусульман, переправившись через Рубас, начало свои действия обложением Дербенда. В течение трех месяцев хазары держались упорно, несмотря на то, что сообщения их были прерваны и никакой помощи они не получали.

Потеряв надежду на овладение городом, Муслиме уже намеревался снять блокаду, как вдруг к нему является ночью один из горожан и говорит: «Если ты обещаешь мне часть хазарской добычи, я помогу тебе овладеть крепостью».

Муслиме с радостью выразил готовность отдать пришельцу столько из добычи, сколько он сам пожелает, и, отрядив шесть тысяч воинов под предводительством Абдул-Азиза (и?) Казим-Бахили (*Bahili*), приказал ему вступить в город по указанно *джасуса* (шпиона?).

Джасус провел этот отряд в Нарин-кала (цитадель) ночью, раскопав тайный подземный проход, находившийся в стороне *Дарвака*. Хазары узнали об этом только на рассвете и завязали жестокий бой внутри крепости. В то же время, по траншеям, доведенным до самых стен, подошел (с войсками) Муслиме и также проник в цитадель. Тогда все хазары были перебиты или взяты в плен, а их имущество подарено воинам и джасусу.

После этого Муслиме совещался с главарями своего войска и выразил такую мысль: «Если мы возвратимся на родину, оставив в этой крепости гарнизон, то хазары снова атакуют брошенных здесь на произвол судьбы воинов. Благоразумнее будет поэтому вовсе уйти отсюда, разрушив предварительно башни и стены цитадели». На это ответил Абдул-Азиз-Бахили: «Это будет неблагоприятно потому, что после нашего ухода хазары снова явятся сюда и, возобновив крепость в еще более неприступном виде, будут, по-прежнему, ежегодно разорять Ирак и Азербейджан».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.